

А. В. Смолова

ПСИХОЛОГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

Экологическая психология

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

2010

УДК 159.99
ББК 88.4+88.53
С 51

Рецензенты: кандидат психологических наук, доцент Х. Э. Штейнбах (СПбГУПС)
кандидат психологических наук, доцент Е. А. Соловьева (СПбГАСУ)

С 51 Смолова Л. В.

Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология). —
СПб.: СПбГИПСР, 2010. — 711 с.

ISBN 978-5-98238-031-9

Цель настоящей монографии — глубокое раскрытие тем, входящих в содержание дисциплины, получившей за рубежом название «психология взаимодействия с окружающей средой» (environmental psychology), а в России — «экологическая психология». Впервые предлагается систематическое описание развития данного направления за рубежом и в России, научных психологических течений, лежащих в ее основе. Структура книги отражает проблемы, наиболее часто обсуждаемые в зарубежной и отечественной литературе, среди них — восприятие и познание окружающей среды, особенности взаимодействия с жилой, городской, учебной и рабочей средой, пространственное поведение, социальный дизайн, восприятие экологических рисков и экстремальной среды, сберегающее поведение человека.

Книга адресована психологам, экологам, социологам, архитекторам, специалистам, работающим в области взаимодействия с окружающей средой, всем интересующимся восприятием и познанием окружающей среды, а также тем, кто не равнодушен к экологической ситуации в мире и России.

© Смолова Л. В., 2010
© СПбГИПСР, 2010

*Моей семье
с бесконечной любовью
и благодарностью*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много раз я слышала от уважаемых коллег, что в современном мире, особенно в России, научные монографии не слишком популярны, даже если они касаются такой важной и востребованной области, как экология (пока, правда, увы, не приносящей дивидендов и буксирующей, как только речь заходит о практике). Тем более это касается недостаточно известной у нас сферы — психологии взаимодействия с окружающей средой. Действительно, в настоящее время ей трудно конкурировать с «окупающимися» и устоявшимися на рынке психологических услуг дисциплинами, такими как бизнес-психология, организационная психология, психологическое консультирование и т. д.

В моей жизни так случилось, что я, практический психолог, заинтересовалась этим направлением. Пытаясь разобраться в истории и содержательном наполнении дисциплины, занялась переводами — как текущей зарубежной литературы, так и источников, ставших классикой направления. Обобщенная и проанализированная информация легла в основу курса «Экологическая психология», читаемого в качестве дисциплины по выбору в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы. Материал, вошедший в курс, тем не менее, не мог отразить всей многоплановости и разнообразия направления. Так появилась монография «Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой» (2008), целью которой было представить российскому читателю эту дисциплину. В книге анализировались ее происхождение и теоретические основания, раскрывались особенности формирования и становления в России, очерчивалось содержание области, ее границы и основные характеристики. Однако в этой работе внимание уделялось в большей степени истории становления и развития дисциплины и в меньшей — представлению конкретных проблем, ею затрагиваемых. Кроме того, для того чтобы более четко представить вклад российской науки, рассматривались отдельно отечественные и зарубежные исследования.

Задача настоящей монографии — обобщение результатов фундаментальных исследований в области психологии взаимодействия с окружающей средой за рубежом и в России, более полная информация о данном направлении и темах, составляющих ее содержание.

Структура книги отражает проблемы, наиболее часто рассматриваемые в зарубежных, в основном американских и европейских источниках. Впервые такая логика изложения материала в психологии взаимодействия с окружающей средой была предложена в самой первой, касающейся ее фундаментальной книге — У. Иттelsonа и его коллег в 1974 г. (Ittelson et al., 1974). Исследователи данного направления до сих пор придерживаются подобной структуры (Levy-Leboyer, 1982; Handbook..., 1987; McAndrew, 1993; Bonnes, Secchiaroli, 1995; Veitch, Arkkelin, 1995; Cassidy, 1997; Bell et al., 1996, 2001; Betchel, 1997; Gifford, 2002; Oliver, 2002 и т. д.). Такой выбор нам кажется наиболее удачным, поскольку самые обсуждаемые темы являются центральными в фундаментальных монографиях в рамках данной дисциплины в мире, и отечественные исследования интегрированы в общепризнанную логику изложения материала. Личный вклад автора — тщательное изучение отечественных и зарубежных источников, обобщение и анализ, за которыми стоит авторская позиция.

Монография состоит из 17 глав. В главе 1 представлены происхождение и теоретические основания развития психологии взаимодействия с окружающей средой, рассматривается формирование области. Глава 2 посвящена основным характеристикам дисциплины, приводятся ее определения, раскрываются основные области ее применения. В главах 3 и 4 обсуждаются восприятие и познание окружающей среды. Представленные теоретические концепции исключительно важны, так как раскрывают неразрывную связь фактических характеристик окружающей среды, ее оценки человеком и вызываемых ею чувств. Данные исследований используются при дизайне и в изменении окружающей среды. В главе 5 затрагиваются вопросы, связанные с описанием окружающей среды, ее оценкой, суждениями о красоте, эмоциональными реакциями, ее значением для респондентов и ее безопасности (степени связанного с ней риска) — важнейшими факторами, на основании которых человек делает сознательный или бессознательный вывод о качестве любой среды. Кроме того, в главе раскрываются методы исследования окружающей среды в рамках обсуждаемой дисциплины. В главах 6, 7, 8 и 9 анализируется «пространственное поведение» человека: персональное пространство, территориальность, краудинг и приватность. Осознание сущности этих категорий может дать ответ на вопрос о возникающих в общении чувствах дискомфорта, напряжения или психологической перегрузки. Использование этих категорий в организации личного и общественного пространства поможет снизить или, наоборот, повысить социальное взаимодействие, сохранить собственную приватность, регулировать доступ к пространству «своей территории», снизить агрессию, увеличить контроль и постулировать чувство порядка и безопасности. В главе 10 раскрывается история жилой среды, проводится разграничение понятий «жилье» и «дом»; описываются исследования различных видов жилья, категории «привязанность к месту», «сообщество», «удовлетворенность местом жительства». В главе 11 представлены особенности восприятия городской среды, анализируются основные теоретические концепции жизни в городе; воздействие окружающей среды города (стресс в городской среде, аффилиативное поведение, помогающее поведение, преступность в городе и страх преступления). Уделяется внимание дизайну и решению проблем окружающей среды в городе, созданию природной среды: парков и садов, теории защищающего пространства, укреплению социальных связей. В главах 12 и 13 анализируется специфика восприятия учебной и рабочей среды. Особое внимание уделяется чувству удовлетворенности

человека средой, которое зависит от потребностей человека, его личностных особенностей и предпочтений, а также от возможностей физического пространства. В *главе 14* рассматривается категория «социального дизайна» — направления, возникшего на стыке социологии, психологии и дизайна, активно развивающееся за рубежом в последние десятилетия. Социальный дизайн делает акцент на работе с будущими пользователями, вовлекает их в планирование и управление пространством, образовательно, ставит целью гармонизировать потребности пользователей с возможностями окружающей среды. *Глава 15* посвящена исследованию экологических рисков, рассматриваются механизмы восприятия экологических рисков, а также особенности их восприятия экспертами и общественностью. В *главе 16* основное внимание уделено проблеме восприятия экстремальной среды, раскрываются особенности реагирования до начала, во время и после стихийных бедствий, приводятся примеры техногенных катастроф и специфики реакций пострадавших. В *главе 17* описывается поведение, дружественное по отношению к окружающей среде — «сберегающее поведение». Раскрывается дилемма общей собственности как проблема взаимоотношений поведения и окружающей среды, а также теории социальных дилемм. Описываются психологические вмешательства с целью формирования сберегающего поведения. Рассматриваются поведенческие методы, которые представляют собой технологию формирования социально важного поведения человека. Их задача состоит в том, чтобы увеличить частоту поведения, защищающего окружающую среду (например, переработка отходов, уборка мусора, сохранение энергии и т. д.) и уменьшить частоту деструктивного поведения.

Мы сочли целесообразным снабдить книгу заданиями для самопроверки, которые, возможно, помогут лучше понять проблематику новой для отечественной психологии области (они помещены в приложениях).

Автор хотела бы подчеркнуть свою глубокую приверженность этой дисциплине и надежду, что читатель с интересом прочтет предлагаемый его вниманию научный труд и, может быть, более серьезно заинтересуется этим направлением, ведь взаимодействие с окружающей средой есть сама жизнь.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность:

- *Руководству Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы* за понимание интереса автора к данному направлению и предоставление возможности читать курс «Экологическая психология» в рамках учебного процесса.
- Моим рецензентам за ценные замечания — кандидату психологических наук, доценту *Х. Э. Штейнбах* (СПбГУПС) и заведующей кафедрой практической психологии СПбГАСУ, кандидату психологических наук, доценту *Е. А. Соловьевой*.
- Авторам, материалы работ которых используются в настоящей книге (несмотря на то, что была проделана большая работа, к сожалению, всех разыскать не удалось): *Роберту Гиффорду*, профессору университета г. Виктория (Канада) — за разрешение публикации схем и таблиц из его книги «Психология взаимодействия с окружающей средой» (Gifford, 2002); профессору *Даниэлю Стоколсу* (Stokols, 1978), одному из пионеров данного направления; *Мирилли Боннес*, автору книги (подготовленной совместно с Секчиароли Гианфранко) «Психология взаимодействия с окружающей средой» (Bonnes, Gianfranco,

1995); *Полу Бэлу*, *Томасу Грину*, *Джэзфри Фишеру* и *Эндрю Бауму*, творческому коллективу серии монографий «Психология взаимодействия с окружающей средой» (Bell, Green, Fisher, Baum, 2001); *Стивену* и *Рэйчел Капланам*, авторам книги «Переживание природы» (Kaplan, Kaplan, 1995); *Роберту Зомеру*, социальному психологу, исследователю персонального пространства и социального дизайна (Sommer, 1983); *Тони Кассиди*, автору монографии «Психология взаимодействия с окружающей средой» (Cassidy, 1997); *Эрику Сандсторму*, ведущему исследователю рабочей среды (Sundstorm, 1987); *Дэборе Ду Нанн Винтер*, автору книги «Экологическая психология» (Winter, 1996); *Джону Цизелю*, специалисту по проектированию пространства и социальному дизайну (Zeisel, 1975); *Роберту Никерсону*, автору книги «Психология и изменение окружающей среды» (Nickerson, 2003); *Джс. Голду* и переводчику его книги «Психология и география: основы поведенческой географии» *С. В. Федулову*; *Д. Х. Медоуз*, *Д. Л. Медоуз*, *Й. Рэндерсу*, *В. Б. Беренсу*, авторам книги «Пределы роста» (1991); *Л. М. Кондратьевой*, автору книги «Экологический риск» и *П. А. Ваганову* и *М. С. Иму*, авторам книги «Экологический риск».

- *Ирине Павловне Комиссаровой* и *Елене Михайловне Воронковой* за высочайший уровень профессионализма и неформальный подход при подготовке рукописи книги к печати.
- Моим друзьям *Дэне Протти* (Dana Protti) и *Алану Ингхэму* (Alan Ingham) за моральную и реальную помощь в сборе материала для этой книги. Но, самое важное, — за то, что они наполнили мою жизнь светом настоящей дружбы. Алан! Спасибо тебе за все! Светлая тебе память!...
- Низкий поклон, бесконечную любовь и благодарность выражаю *своей матери*—*Валентине Павловне*— за веру, поддержку и здоровую критику.

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

Предпосылки формирования области: — В психологии за рубежом. — В архитектуре и архитектурной психологии. — В географии и географических науках. — В философии и экopsихологии. — В терапии взаимодействием с животными. — В рамках международных программ. — В различных странах за рубежом. — Становление экологической психологии в России.

В истории возникновения психологии взаимодействия с окружающей средой мы не найдем *самого первого* исследования. Психологи, социологи, географы, архитекторы и другие специалисты издавна проявляли интерес к взаимоотношениям человека с окружающей средой. Предлагаемый ниже обзор не имеет строгой последовательности. Многие события происходили параллельно в разных точках земного шара и в различных областях знаний. Однако, вместе взятые, они стали предпосылками формирования психологии взаимодействия с окружающей средой. Обратимся сначала к психологическим истокам обсуждаемой дисциплины.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЗА РУБЕЖОМ

С одной стороны, психология всегда интересовалась окружающей средой, с другой стороны, наблюдалось почти полное отсутствие определенного и систематического внимания к пространственно-физическим характеристикам окружающей среды, в которых возникает спонтанное поведение. Согласно некоторым авторам (напр., Barker, 1968; Bronfenbrenner, 1977; Canter, 1986 et al.), причина кроется в традиции лабораторного исследования, которая удерживала психологию на расстоянии от этого интереса, так как лаборатория, в которой традиционно проводились исследования, представляет собой специфическую окружающую среду.

Истоки рассмотрения пространственно-физических характеристик окружающей среды лежат в двух различных теоретических традициях – психологии восприятия и социальной психологии. Оба направления изучают проблему отношений между психологическими процессами и физическими особенностями окружающей среды,

которые составляют основной предмет исследований в психологии восприятия и сопутствующий — в социальной психологии.

На развитие психологии взаимодействия с окружающей средой повлияли концепции психологии восприятия, предлагаемые американской школой «Новый взгляд» (New Look) (США), вероятностной теорией Эгона Брунsvика (Egon Brunswik), экологической теорией Джеймса Гибсона (James J. Gibson) и трансактной школой группы исследователей Принстонского университета (Ames, Kilpatrick, Cantril and Ittelson).

Социальная психология также внесла свой вклад в формирование и развитие обсуждаемой дисциплины. Существенное влияние на нее оказала теория психолога Курта Левина (Kurt Lewin), идеи которого звучат удивительно современно в применении к проблемам взаимодействия с окружающей средой. Несомненно, значимы и работы последователей традиции Левина — Роджера Баркера (Roger Barker), считающегося одним из основателей рассматриваемого направления, и Ури Бронфенбреннера (Urie Bronfenbrenner), взгляды которого хотя непосредственно и не связаны с исследованиями в области психологии и окружающей среды, но включают ряд интересных идей.

Почти все авторы, обсуждение концепций которых представлено ниже, имеют общую тенденцию использовать термин «экологический», чтобы подчеркнуть особенности представляемого подхода. Это касается «экологической валидности» Эгона Брунsvика, «экологической теории» восприятия Джеймса Гибсона, «психологической экологии» Курта Левина, «экологической психологии» Роджера Баркера, «экологического» подхода Ури Бронфенбреннера, «экопсихологии» Теодора Розака (Theodore Roszak). Подобное систематическое возвращение к термину «экологический» может быть расценено как индикатор общей идеи: рассматривать психологические явления как результат одновременного действия индивидуальных ситуативных факторов окружающей среды, включая пространственно-физические аспекты. Однако, несмотря на сходство в подходе, каждый автор, предлагая теоретическое и практическое решение вопроса, естественно, делает это по-своему. В настоящем обзоре хорошо видно разнообразие идей, лежащих в основе психологии взаимодействия с окружающей средой.

Пространственно-физическая окружающая среда в традициях психологии восприятия

К научному изучению отношений между окружающей средой и человеческим поведением обратились уже в начале XX в., когда психологи стали изучать восприятие таких стимулов окружающей среды, как свет, звук, вес, давление и т. д. К 1940-м годам появились первые работы о взаимодействии окружающей среды и поведения, однако они не носили систематического характера и не приближались к современному пониманию вопроса. Кроме того, большинство исследований среды сводилось к экспериментам, проводившимся в лабораторных условиях.

Боннес Мирилия (Bonnes Mirilia) и Секчиароли Гианфранко (Secchiaroli Gianfranco) (1995) указывают, что одно из первых экспериментальных исследований было проведено Элтоном Мэйо (Elton Mayo) в 1930-х годах. Предлагая выявить от-

ношения между физическими свойствами рабочей среды и уровнем производительности, он сосредоточил внимание на факторе освещения. Было обнаружено, что изменение степени и качества освещения в окружающей среде будет отражаться на изменении уровня рабочей производительности.

Помимо физического фактора освещения были выявлены факторы иной природы, которые, как обнаружилось, также могут объяснить полученные результаты — они были определены как «человеческие факторы» (human factors), причем речь шла о типе отношений между участниками в течение экспериментов и/или уже существующих в рабочей среде. Производительность труда, как оказалось, была связана с поведением участников, которое, в свою очередь, было следствием групповой сплоченности или выражением существующей конфронтации между группами, а также между рабочими и руководством фирмы. Обнаружилось, что поведение участников в равной степени формировалось как стимулами физической среды, так и социальными отношениями.

Описывая истоки обсуждаемой дисциплины, Голд (1990, с. 40) пишет: «Галтон в конце XIX в. работал над исследованием влияний генетических особенностей и условий внешней среды на способности людей (Ross, 1974), Трьюбридж (Trowbridge, 1913), изучал индивидуальные мыслительные представления о специфических макропространствах, была проведена целая серия социально-психологических экспериментов на фабрике Западной электрической компании в Хоторне для оценки воздействия материальных условий рабочего места на поведение работающих и производительность их труда (Roethlisberger, Dickson, 1939)».

Психологи, изучавшие восприятие окружающей среды, находились под влиянием ранней **теории гештальт-психологии** — направления, развивавшегося в Германии в начале XX в. Максом Вертхаймером (Max Wertheimer) (1880–1943), Вольфгангом Кёхлером (Wolfgang Kohler) (1887–1967) и Куртом Коффкой (Kurt Koffka) (1886–1941).

Сторонники гештальт-психологии настаивали на необходимости рассматривать психологию человека во всей ее сложности, а также вновь включить анализ умственной деятельности в сферу психологической науки (бихевиоризм упрощал понимание сложных проблем, имеющих в том числе эмоциональную и когнитивную составляющие). Центральным понятием гештальт-теории стало восприятие, рассматривавшееся в качестве переменной, опосредующей формирование реакции на данный конкретный стимул. Считалось, что восприятие происходит в соответствии с врожденными способностями, благодаря которым импульсы внешней среды слагаются в организованные особым образом формы, или устойчивые цельности («гештальты»). Поведение опосредовано процессами восприятия, причем внешними детерминантами поведения выступают не воздействие физической среды как таковой, но те способы, посредством которых происходит восприятие этих воздействий. Это направление принято называть феноменологическим: гештальт-психологи признавали первенство мира феноменов (*phenomenic world*), т. е. воспринимаемого мира по сравнению с физическим.

В 1920-х годах Курт Коффка (по Bonnes, Secchiarioli, 1995) заявил, что физический мир существует для организма в форме его собственной окружающей среды, которая является его «феноменологическим миром» (*phenomenic world*), хотя для организма эта окружающая среда вполне реальна. В 1930-е годы Коффка (Ibid.)

провел различие между «географической окружающей средой» (*geographical environment*), представленной окружающей средой, существующей в действительности, и «поведенческой окружающей средой» (*behavioral environments*), представляющей окружающую среду, переживаемую человеком. При этом автор подчеркивает, что только поведенческую окружающую среду нужно учитывать для понимания поведения и что это единственная система, позволяющая описать поведение.

Рис. 1.1. С точки зрения гештальт-психологии человек в своем поведении руководствуется в большей степени воспринимаемым, чем существующим в реальности миром. Поэтому в фокусе внимания гештальт-психологии находятся законы восприятия. Как можно видеть на фото, обилие грязи вокруг нескольких людей не смущает.

Идея о том, что человек в своем поведении опирается скорее на воспринимаемый, чем на действительно существующий мир, была очень важной составляющей гештальт-теории (рис. 1.1). Курт Коффка (1935, цит. по: Голд, 1990, с. 35–36) хорошо показал разграничение двух названных миров, а также последствия этого для поведения человека, используя шведскую средневековую легенду о путнике, заблудившемся в снегах: «Вьюжным зимним вечером, после многих часов блужданий по продуваемой ветром равнине, все тропки и вешки которой оказались покрыты плотным слоем снега, всадник увидел освещенные окна фермы и, радуясь обрести наконец кров над головой, направился к ней. Хозяин, встретивший его на пороге, с удивлением спросил незнакомца, откуда он прибыл. Путник указал вдаль, по направлению прямо от фермы, после чего фермер с ужасом и изумлением в голосе произнес: “Да знаете ли вы, что пересекли сейчас озеро Констанция?”. Услышав это, путник замертво упал к его ногам».

Легко заметить различие между «объективно существующей» средой скрытого

под толщей снега озера Констанция и «поведенческой» средой завьюженной равнины, реально существующей для путешественника. Пересекая озеро, путник вел себя так, как если бы оно было просто частью суши, но трудно представить, что он бы стал делать, если бы вдруг узнал истинное положение вещей! Предполагая существование субъективного «мира в сознании», сторонники гештальт-психологии выдвигают идею, исключительно существенную для понимания поведения людей в реальном мире (Там же). Идея Коффки состоит в том, что физический мир (*physical world*) существует для организма в форме его собственной окружающей среды, которая является его «феноменологическим миром» (*phenomenic world*), миром восприятия и поведения, хотя для организма эта окружающая среда реальна. Таким образом, в исследовании и объяснении индивидуального поведения акцент ставится исключительно на поведенческой среде, а не на проблеме их взаимодействия. Географическая окружающая среда рассматривается только как часть опыта поведенческой окружающей среды человека.

В конце 1940-х годов в Соединенных Штатах развиваются так называемые **школы «Нового взгляда»** (*«New look» schools*). Сам термин «новый взгляд» использовался из-за общности целей этих школ, предлагавших иную модальность рассмотрения феномена восприятия по сравнению с доминирующей европейской школой психологии восприятия, представленной гештальт-психологией. Более того, можно сказать, что исследования «Нового взгляда» формировались и как реакция, и как оппозиция европейской школе Гештальта. Они, по существу, предложили изменение, преобразование гештальт-подхода и в исследовании восприятия придерживались позиции функционализма¹ (Bonnes, Secchiaroli, 1995).

Положение дел в психологии в США 1940-х годов, когда развивались исследования «Нового взгляда», не способствовало распространению феноменологических идей гештальта, даже при том, что они были несомненно влиятельными. В то время в США приоритетной была бихевиористическая школа, которая указывала на то, что мир составлен из объективных «стимулов»; для этой школы объяснение наблюдаемого поведения или, лучше сказать, индивидуальных реакций на окружающую среду происходило на основании изучения этих стимулов. Кроме того, общие тенденции в психологии того времени, появление общественных движений в защиту окружающей среды приводили к тому, что человека все больше начинали рассматривать как активного субъекта в отношениях с окружающей средой не только в когнитивном смысле, но и прежде всего на уровне деятельности.

Таким образом, область особого интереса «Нового взгляда» в изучении восприятия составляют физическо-объективные характеристики окружающей среды (*the physical-objective characteristics of the environment*). В то же время подчеркивается активная роль субъекта в окружающей среде (его поведение, потребности, ценности). Объектами исследований в равной степени становятся и пространственно-физическая окружающая среда, и действия субъектов в ней. По существу это было отрицанием школы гештальт-психологии. Естественно, такой подход в самом де-

¹Функционализм (*functionalism*) — направление в американской школе психологии, восходящее к эволюционной теории Чарльза Дарвина и психологии Уильяма Джемса, предлагающее рассматривать умственную деятельность в виде «потока сознания», опираясь на который индивид непрерывно стремится достичь наилучшего приспособления к данным обстоятельствам (Психологическая энциклопедия, 2006).

ле демонстрировал новый взгляд на понимание явлений, происходивших в мире, и оправдывает свое название.

Теории восприятия Эгона Брунsvика (Egon Brunswik), Джеймса Гибсона (James J. Gibson), Дэниела Берlayна (Daniel Berlyne), Стивена и Рэйчел Каплан (Steven и Rachel Kaplan), созданные в это время, и видеоэкология В. А. Филина, появившаяся позже, по-разному рассматривают отношения между субъектом и средой и вклад каждого в процесс восприятия. Мы рассмотрим их в главе 3 «Восприятие окружающей среды».

Трансактная школа, или школа, основанная на взаимодействии (*the transactional school*). Трансактная школа восприятия берет свое начало с середины 1940-х годов, когда проводил свои первые исследования Эдальберт Эймс (Adalbert Ames). В последующие годы исследования этого направления были продолжены известными учеными, работавшими в Принстонском университете (Princeton University): Хадлеем Кэнтрилом (Hadley Cantril), Франклином Килпатриком (Franklin Kilpatrick) и Уильямом Иттельсоном (William Ittelson) (Handbook of Environmental Psychology, 1987; Cassidy, 1997; Bonnes, Secchiaroli, 1995; Психология, 1998 и др.).

Прежде всего был рассмотрен сам термин «взаимодействие» (*transaction*) и определена специфическая модальность отношений между предметом и объектом восприятия. Внимание ученых было направлено на процесс обмена между этими двумя элементами, а не на их специфические характеристики. Содержание термина «взаимодействие», принятого исследователями Принстона включало воспринимающего и окружающую реальность как части одного и того же процесса, которые невозможно рассматривать отдельно, так как оба — аспекты одного и того же уникального процесса взаимодействия, определяемого как «транзакция» (*transaction*).

В отличие от позиции объективистов (*objectivist*), которые рассматривали стимулы как объекты восприятия, транзакционалисты (*transactionalists*) предлагали полную смену подхода, который до некоторой степени напоминает феноменологическую направленность гештальт-психологии. Физическая реальность рассматривалась ими как результат, а не причина восприятия. По словам У. Иттельсона, «окружающая среда, которую мы знаем, есть продукт (*product*), но не причина восприятия» (Ittelson et al., 1974, p. 105).

Как указывает Ф. Килпатрик, «восприятие — это фаза целостного процесса, которая состоит в осознании вероятных последствий преднамеренных действий относительно некоторого объекта. Человек никогда не знает о внешнем мире больше тех аспектов, которые непосредственно связаны с выполнением его цели» (цит. по: Bonnes, Secchiaroli, 1995, p. 33). В этом смысле транзактная школа, сосредотачиваясь на явлении восприятия, рассматривает перцепционную проблему как часть более общей проблемы отношений человека с реальностью, т. е. как «части того полного процесса, который связывает человека с окружающим миром». С точки зрения Ф. Килпатрик (Ibid.) под восприятием понимается часть процесса взаимодействия. Человек формирует так называемый «допускаемый мир» (*assumptive world*), который мы приносим в каждое событие и на котором базируется наше восприятие; поэтому единственный мир, который мы знаем, определен в соответствии с нашими допущениями (предположениями).

В поддержку своей теоретической позиции транзакционалисты предлагали большое количество экспериментальных работ, или «демонстраций», как они их называ-

ли, основанных на явлениях иллюзии восприятия. Цель этих экспериментов заключалась в том, чтобы показать активную и конструктивную роль человека в перцепционном процессе.

Первые эксперименты Эдальберта Эймса (по Bonnes, Secchiarioli, 1995) представляли собой наблюдение за восприятием участников исследования, носивших специальные искажающие очки. Обнаружилось, что в этих случаях не все объекты воспринимались искаженно, как предсказывали принципы оптической физиологии, в частности, некоторые искажения не появлялись немедленно, но развивались постепенно через непрерывное наблюдение. «Если испытуемому во время ношения подобных очков не представлялась возможность практического взаимодействия с окружающей средой, то его восприятие либо не перестраивалось вообще (оставалось неадекватным), либо перестройка была лишь незначительной. Когда испытуемые в искажающих очках лишались возможности совершать привычные действия по самообслуживанию, помещались в кресло, где не могли ни манипулировать с предметами, ни писать, ни читать, а при передвижении их всегда сопровождал экспериментатор, они продолжали видеть мир искаженным, например перевернутым» (Грановская, 1997, с. 39). Для Э. Эймса это означало, что воспринимающий — не пассивный участник восприятия, он активно вовлечен в процесс. Все эксперименты транзакционалистов были направлены на то, чтобы выделить роль воспринимающего более полно.

Один из самых известных экспериментов Э. Эймса включает использование искаженной комнаты. Стены комнаты имеют трапециевидную форму, но если смотреть на комнату с определенной позиции, кажется, что она имеет обыкновенную прямоугольную конфигурацию. Ф. Килпатрик (по Bonnes, Secchiarioli, 1995) также использовал искаженную комнату для экспериментов, в которых участники, находящиеся в упомянутой позиции, должны были выполнять различные действия — бросать шары, дотрагиваться палкой до различных частей комнаты. Таким образом, он демонстрировал, что участники исследования после небольшой практики могли адекватно воспринимать искаженную комнату. Исследования показали решающую роль деятельности субъектов в окружающей среде. Кроме того, было показано, что на основании опыта деятельности воспринимающий начинает сомневаться в реальности внешних стимулов окружающей среды, воспринимаемых только на визуальном уровне.

Понятие окружающей среды в транзактной школе рассматривается в широком смысле и выходит за пределы рассмотрения простых физическо-перцепционных характеристик (*physical-perceptual characteristics*). Например, Хадлей Кэнтрил объясняет позицию транзакционалистов следующим образом: «Каждое событие жизни может возникнуть только в окружающей среде; оно имеет определенную цель, требует определенных действий и регистрации их последствий. Все эти процессы являются взаимозависимыми. Ни один процесс не может функционировать без других» (Там же, с. 36).

Флойд Олпорт (Floyd Allport) и Томас Петтигрю (T. Pettigrew) (Bonnes, Secchiarioli, 1995) проводили исследования восприятия иллюзий в так называемых «угловых» культурах (*angular cultures*). Они обнаружили, что эта иллюзия в меньшей степени характерна для представителей культуры зулу, где не существует квадратов и прямоугольников, а преобладают круглые формы.

Аналогичный пример может быть найден в экспериментах М. Сегал (M. Segall, по Годфруа, 1992) относительно иллюзии Мюллера—Лайера: иллюзия проявляется в большей или меньшей степени в зависимости от того, принадлежат ли субъекты исследования «угловым» культурам, т. е. таким, которые основаны на физических окружающих средах, содержащих в себе прямые углы. Ж. Годфруа (1992, с. 186) указывает, что африканцы, живущие в деревнях, где нет прямоугольных строений, не допускали ошибок при сравнении отрезков в иллюзии Мюллера—Лайера (рис. 1.2), в то время как африканцы, выросшие в городе, где большинство зданий имеет прямоугольную форму, были сильнее подвержены этой иллюзии. Авторы делают вывод, что некоторые ошибки восприятия можно объяснить культурными различиями.

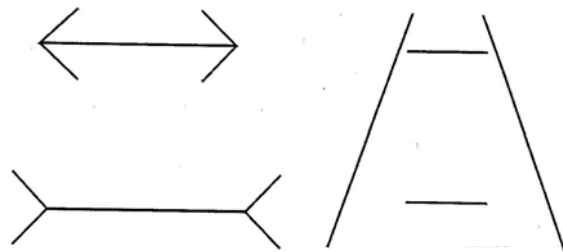

Рис. 1.2. Иллюзия Мюллера—Лайера и Понзо. Несмотря на то, что отрезки на рисунке равны, они воспринимаются как разные по величине.

Все эти типы исследований демонстрируют влияние предыдущего опыта восприятия и в данном случае соотносятся с особенностями определенного культурального контекста.

Позиция транзакционалистов предлагала полезные концептуальные инструменты для психологов, интересовавшихся проблемами отношений человека и пространственно-физической окружающей среды. И не удивительно, что Уильям Иттelson, известный представитель этой школы, был одним из первых психологов, откликнувшихся на запросы архитекторов. В 1960-х годах вместе с Гарольдом Прошански они сформировали первую исследовательскую группу по психологии взаимодействия с окружающей средой в США (речь о деятельности этой группы пойдет ниже).

Как мы увидели, отношения между личностью и окружающей средой с позиции транзактной школы рассматриваются в своей целостности и неразрывности. В социальной же психологии хотя и уделяется некоторое внимание пространственно-физической окружающей среде, приоритетными в изучении остаются личностные характеристики человека.

Пространственно-физическая окружающая среда в традициях социальной психологии

Психологическая экология (psychological ecology) Курта Левина. Курт Левин (1890–1947) первоначально обучался в Берлинском университете в феноменологически ориентированной школе Гештальта. В 30-е годы он бывал в Москве, общался и переписывался с Л. С. Выготским, А. Р. Лурия и Б. В. Зейгарник (Левин, 2001; Гештальт-психология. . . , 2007). В 1933 г. он переехал из Германии в Соединенные Штаты Америки, где посвятил себя исследованиям отношений между психологическими процессами и характеристиками окружающей среды.

На научную деятельность К. Левина повлияла атмосфера академического сообщества Германии начала XX в. с ее поисками новой научной картины мира. Этот «переворот» ученый отразил в своей статье под названием «Переход от аристотелевского мышления к галилеевскому» (Левин, 2001). В ней были изложены взгляды на сущность научного познания и в целом на объект науки.

Задачей психологической науки, по К. Левину, должно быть даже не установление законов, а предсказание индивидуальных явлений (или событий) на основании некоего общего закона. Но эти события могут быть предсказуемы только при наличии достоверной теории. Критерием научной достоверности выступает не повторяемость единичных фактов, наоборот, единичные факты приобретают научную достоверность лишь в контексте теории. Согласно традиции, идущей от Аристотеля, мир гетерогенен (это значит, что каждому явлению, объекту присуща своя закономерность). Поэтому задача науки заключается в изучении разнообразия мира и вещей и построении на основе этого изучения классификаций и закономерностей. Стилль научного мышления, связанный с именем Галилея, исходит из представления о гомогенном мире, в котором всякое отдельное явление подчиняется общим закономерностям. Если аристотелевский метод познания по сути описателен, то галилеевский представляет собой конструктивный метод. Эксперимент должен быть направлен на изучение причин, а не на получение новых фактов.

Новые концепции в физике и математике стимулировали становление гештальт-психологии. Когда это направление оформилось, К. Левин был еще студентом, но спустя некоторое время, сразу после Первой мировой войны он, безусловно, стал одной из ключевых фигур гештальт-психологии (Фрейдджер, Фейдимен, 2001).

Основные положения гештальт-психологии нашли свое отражение в теории Курта Левина (цит. по: Б. В. Зейгарник; Там же, с. 718):

1. Образ мира, явления (иными словами — «гештальт») создается не путем синтеза отдельных элементов, отдельных ощущений. Он возникает сразу как целостный феномен. Иными словами, гештальт не является суммой частей, а представляет собой целостную структуру, целостную систему. Разумеется, этот целостный образ можно проанализировать и выделить в нем некоторые части. Но нельзя сказать, что целое зависит от частей, поскольку каждая часть зависит от целого.

2. Образ создается в «данный момент» (*ad hoc*). Прошлый опыт не играет никакой роли в создании этого гештальта. Он создается путем инсайта (*insight* — озарение (англ.) или «*Aha-Erlebnis*» — «ага-переживание» (нем.)). Снижение роли прошлого опыта было одним из основных объектов критики гештальт-психологии и теории К. Левина, в частности, со стороны оппонентов. Образы прошлого могут

актуализироваться «в данный момент» и обусловить поведение человека, но это не то влияние, которое имели в виду сторонники бихевиоризма и психоанализа.

3. Принцип изоморфизма, т. е. принцип, утверждающий тождество закономерностей в разных науках (например, психологические закономерности тождественны физиологическим). Следуя именно этому принципу, К. Левин использовал систему описания явлений, принятую в физике, химии, математике, геологии и топологии.

Вместе с тем в отличие от коллег К. Левин в научной работе ориентировался на исследование личности, мотивации, групповой динамики, т. е. тех феноменов, которые имели непосредственное практическое отношение к социальной сфере, к жизни человека. И именно благодаря ему геометрические и физические концепты преобразовались в систему анализа человеческого поведения, в инструмент познания и целенаправленного совершенствования. Эта ориентированность на практику во многом была связана с тем, что К. Левин с 1930-х годов обратился к изучению социально-психологических и социальных проблем.

Как и ряд других исследователей личности, К. Левин считал, что человек — это сложное энергетическое поле, динамическая система потребностей и напряжений, которая определяет и направляет восприятие и действия.

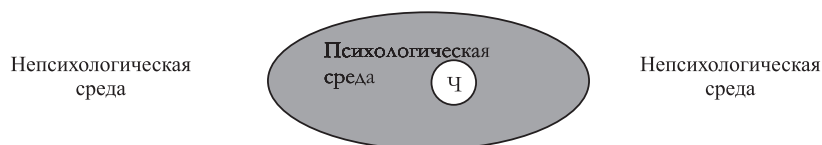
Теория поля (*field theory*) изначально была определена К. Левиным прежде всего как «метод анализа причинных отношений и построения научных конструкций» и нацелена на объяснение поведения относительно так называемой «ситуации», в которой оно возникает. Поле определяется как «совокупность (целостность) сосуществующих фактов, которые рассматриваются как взаимозависимые» (цит. по: Bonnes, Secchiaroli, 1995, p. 41). Данная доктрина предлагает концептуальный инструмент для систематического рассмотрения факторов окружающей среды, включая ее пространственно-физические аспекты. Рассуждения К. Левина движутся в следующем направлении:

1. Он указывает на два свойства человека: с одной стороны, отделенность от остального мира, с другой стороны, включенность в него. Такое положение не расходится со здравым смыслом, поскольку кожа и одежда представляют видимые границы, отделяющие человека от большого мира, частью которого он является (Холл, Линсдей, 1997).

Человек, будучи частью мира, находится в пространстве и в постоянном взаимодействии с психологической окружающей средой. Под этим термином К. Левин понимает воспринимаемую человеком действительность. События в психологической среде также могут вызывать изменения в физическом мире. Между этими двумя мирами — двустороннее сообщение. Событие, прежде чем повлиять на человека или испытать его влияние, должно стать фактом психологической среды, которая, таким образом, представляет собой буферную зону между человеком и непсихологической

средой. Это ясно при взгляде на рисунок, изображающий человека полностью окруженным пространством психологической среды (Холл, Линсдей, 1997):

Психологическую среду нужно рассматривать как часть одного интегрированного поля — жизненного пространства, другая часть которого — человек (Левин К., 2000 б, с. 162; Гештальт-психология... , 2007).

2. Содержание термина «жизненное пространство» включает в себя все множество реальных и нереальных, актуальных, прошлых и будущих событий, которые находятся в психологической среде индивида в данный момент времени. Это могут быть ожидания, цели, образы притягательных (или отталкивающих) объектов, реальные или воображаемые преграды на пути достижения желаемого, деятельность человека и т. д. (Фрейджер, Фейдимен, 2001). Таким образом, поведение (В) можно рассматривать как функцию от жизненного пространства (L): $V = f(L)^2$.

Граница между жизненным пространством и внешним миром также обладает свойством *проницаемости*. Граница напоминает скорее проницаемую мембрану или сеть, нежели стену или жесткий барьер. Физический мир не может прямо коммуницировать с человеком, равно как и человек не может напрямую коммуницировать с внешним миром.

К. Холл и Г. Линсдей (1997) указывают, что события, существующие во внешнем регионе и соседствующие с границей жизненного пространства (К. Левин назвал этот регион «внешней оболочкой жизненного пространства») могут материально воздействовать на психологическую среду. То есть непсихологические события могут изменять психологические. К. Левин полагал, что изучение событий, происходящих во внешней оболочке, может быть названо «*психологической экологией*».

Указание на проницаемую границу между жизненным пространством и физическим миром чрезвычайно важно, поскольку события в непсихологическом мире могут кардинально менять все течение событий в жизненном пространстве. Процесс восприятия, указывает К. Левин (цит. по: Bonnes, Secchiarioli, 1995), глубоко связан с этой границей, поскольку воспринимаемое частично определяется физическими стимулами, т. е. той частью физического мира, которая влияет на сенсорные каналы в

²От английских слов *behaviour* — поведение и *life* — жизнь.

данный момент времени. Предсказания, основанные только на знании психологических законов, несерьезны. Никогда нельзя быть уверенным заранее, что какое-то событие из внешней оболочки не нарушит границу жизненного пространства и не перевернет вверх тормашками психологическую среду. Случайная встреча, неожиданный телефонный звонок, авария, как известно, могут изменить течение жизни. Поэтому, подчеркивает Левин, для психолога реальнее понять конкретную, в данный момент существующую психологическую ситуацию при помощи описания и объяснения в терминах теории поля, нежели попытаться предсказать, как соберется вести себя человек в будущем (Холл, Линсдей, 1997).

Проницаемость границ также означает, что события среды могут влиять на человека. Известное уравнение теории К. Левина $B = f(P \times E)$ указывает на значимость окружающей среды (E) и определяет поведение (B — *Behaviour*) как функцию (f — *function*) от произведения человека (P — *Person*) и окружающей среды (E — *Environment*).

Он указывает на важность рассмотрения физических характеристик окружающей среды как компонентов психологических процессов, подчеркивает, что они должны появиться в психологическом исследовании именно как психологические, а не просто физически объективные данные, т. е., поскольку они воспринимаются и познаются, они должны присутствовать в рассматриваемом психологическом поле.

К. Левин считал, что при проведении психологического исследования сначала необходимо установить природу событий, существующих на границе жизненного пространства, поскольку эти факты помогут определить, что возможно, а что нет, что может случиться в жизненном пространстве, а что не может.

В 1943–1944 гг. К. Левин определил проблемную область психологического исследования: понять ситуацию или психологическое поле в данный момент времени. Он назвал эту область исследования «психологическая экология», выделив в ней три наиболее значимых области:

- 1) «жизненное пространство» (*life space*) — исследование совокупности человека и психологической окружающей среды;
- 2) исследование множества процессов в физическом или социальном мире, которые влияют на жизненное пространство человека в данный момент времени;
- 3) исследование границ (*boundary zone*) жизненного пространства.

Новизна позиции К. Левина состояла в том, что, с одной стороны, он указывал на преимущество воспринимаемой среды (того, что определяется им как психологическая окружающая среда) над физической объективной окружающей средой, а с другой — поддерживал равный интерес к окружающей среде и ее характеристикам (физической и социальной). Психологическая экология рассматривает и физическую, и социальную окружающие среды как существенные факторы для объяснения психологической окружающей среды.

«Я могу объяснить, почему психология должна интересоваться даже теми областями физического и социального мира, которые не являются частью жизненного пространства и которые в настоящее время не затрагивают его границы (*boundary zone*). Если кто-то беспокоится об образовании ребенка в течение следующих лет, если кто-то хочет предсказать, в какой ситуации он окажется в результате определенных действий, ему нужно будет просчитать это будущее. Очевидно, что такой прогноз должен базироваться частично на внимании к статистике непсихологиче-

ских данных. . . Сущность объяснения или предсказания любого изменения в определенной области — это соединение этих изменений с условиями поля в данный момент времени» (цит. по: Bonnes, Secchiarioli, 1995, p. 41).

Как видим, в положениях психологической экологии К. Левин, по существу, предлагал форму психологического исследования, способного использовать и объединять информацию непсихологической природы для понимания психологических явлений.

Хотя идеи К. Левина не были приняты большинством психологов до 1970-х годов, с самого начала его теория представляла особый интерес для психологов, работающих в области взаимодействия с окружающей средой. Многие из его учеников и последователей со временем стали авторитетными фигурами в психологии. Среди них — Роджер Баркер (Roger Barker), Леон Фестингер (Leon Festinger) и Ури Бронфенбреннер (Urie Bronfenbrenner).

Экологическая психология Роджера Баркера. Термин «экологическая психология» (*ecological psychology*) связан с рядом исследований, выполненных в конце 1940-х годов в университете Канзаса группой ученых, возглавлявшейся Роджером Баркером. Этот ученый и выбрал данный термин, который широко обсуждал и иллюстрировал в своих докладах, а в 1968 г. издал книгу *«Экологическая психология: концепции и методы изучения окружающей среды, в которой происходит поведение человека»* (*Ecological Psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behavior*).

Роджер Баркер (1903–1990), будучи учеником Курта Левина, был хорошо знаком с теорией поля и психологической экологией. Баркер работал с группой Левина в университете Айовы, где занимался исследованием инфантильных расстройств (*infantile frustration*), и именно этот опыт считал решающим с точки зрения методологии собственных будущих исследований (Barker, 1990, p. 509–510). Именно интерес к психологии развития и большая неудовлетворенность методами исследований, тогда используемыми, т. е. в 1930–1940-е годы, подтолкнули Роджера Баркера избрать путь экологической психологии. Он указывал, что в традиционных исследованиях доминировали лабораторные методы, которые не могли полностью раскрыть особенности детского развития.

В 1947 г., после переезда в университет Канзаса (the University of Kansas), вместе со своим коллегой Гербертом Райтом (Herbert Wright) Роджер Баркер создал Психологическую полевую станцию Среднего Запада (the Midwest Psychological Field Station). Она располагалась в маленьком городе Оскалуза (Oskaloosa) (население составляло 715 жителей включая 100 детей). Этот город стал лабораторией или, используя термин Р. Баркера, «станцией», для проведения полевых наблюдений. Цель Р. Баркера и Г. Райта состояла в том, чтобы понять, как окружающая среда «реального ежедневного мира» влияет на поведение проживающих в ней детей и взрослых.

Вскоре для проведения сравнительных исследований подобная станция была создана и в Англии, в маленьком городе Лейбурне (Leyburn) на севере Йоркшира. «Цели станции состояли в том, чтобы обнаружить и описать ежедневные условия жизни и поведения детей города и исследовать их взаимосвязи», — писал Роджер Баркер (Barker, 1987, p. 1413). Это было действительно «революционным» событием в психологической науке США, когда единственно принятыми были лабораторное исследование или клинический метод.

Исследователи занимались наблюдением за поведением детей в течение дня в различной среде — в школе, на спортплощадке, в церкви и т. д. На основании полученных данных Р. Баркер и его коллеги смогли получить доказательства сильного влияния пространства и окружающей обстановки на поведение детей. Как указывал Пол Гамп (Paul. V. Gump) (см. Bell et al., 1996), два ребенка в одном и том же месте вели себя более одинаково, чем один ребенок в двух местах.

В то время методы видеосъемки, столь популярные сегодня, еще не были доступны. Исследование опиралось на естественное наблюдение как на основной метод, что требовало огромных усилий в тщательном сборе данных. Данные собирались на основании «потока поведения» (*stream of behavior*), как назвал объект фиксации Баркер. Эти данные регистрировались посредством техники, названной исследователем «запись образцов» (*specimen record*), которая включала максимально детальное описание того, что наблюдалось.

Вместо применения интервью, анкет и опросников Роджер Баркер обращал внимание на поведение и пространство, в котором оно происходит. Именно окружающая обстановка с его точки зрения могла дать больше информации для понимания сущности явлений, чем изучение личностных характеристик обследуемых. Р. Баркер (Barker, 1990, p. 509) подчеркивал, что изначально в их исследованиях не было никакой процедуры, поэтому они просто наблюдали за ежедневной жизнью детей на завтрак, в классе по музыке или на богослужении.

Интересно отметить, что Р. Баркер во всех своих работах указывает на Курта Левина как на человека, вдохновившего его на применение подобной методологии. Он вспоминает, как его и коллег при постановке лабораторных экспериментов учили сохранять повествовательный тип детального протокола и «не принимать во внимание собственное мнение относительно того, что происходило с поведением субъектов в течение эксперимента» (Ibid., p. 510).

Роджер Баркер описывает метод так называемых «поведенческих эпизодов» (*behavioral episodes*), появившийся позже, — дотошную и тщательную процедуру наблюдения за поведением. «Метод сбора данных был долгим и утомительным и требовал командной работы обученных наблюдателей, которые должны были сменять друг друга каждые 20 или 30 минут из-за усталости», — так Роберт Бэтчел (Robert Bechtel) (по Bonnes, Secchiaroli, 1995, p. 47), описывает первые события на полевой станции в Канзасе.

После первых работ, сосредоточенных на детальном наблюдении ежедневных событий в городе, Роджер Баркер и его сотрудники сфокусировали внимание на феномене обстановки, в которой происходит поведение и в которой и поведение человека, и пространственно-физические свойства «естественно» организованы в окружающую среду. Для описания этой обстановки Р. Баркер применяет термин «the behavior setting»³.

Отечественные исследователи (Абрамова Ю. Г., 1995; Штейнбах Х. Э., 1997; Андреева Г. М., 2005; Соловьева Е. А., 2006 и др.) часто переводят этот термин как «место поведения». В «Психологической энциклопедии» он трактуется как «сеттинг поведения» (2006, с. 1025). И. А. Шмелева (2004, с. 116) описывает его как «конкрет-

³От английских слов *behavior* — поведение и *setting* — обстановка, окружение, окружающая обстановка, фон, оправа.

ную обстановку поведения». В книге Д. Голд «Психология и география» (1990, с. 169) данное понятие определяется как «среда поведения». В данном термине речь идет об «обстановке, в которой происходит поведение», о «среде поведения», о «конкретной обстановке поведения». С нашей точки зрения два последних перевода наиболее точны, и сам термин должен переводиться как «теория конкретной обстановки поведения Роджера Баркера». Однако чтобы избежать и так уже существующей терминологической неустойчивости, мы будем использовать недостаточно точный с нашей точки зрения, но употребляющийся в отечественной литературе перевод «место поведения».

Под этим термином понимается объективная пространственно-временная ситуация, которой свойственна определенная совокупность форм поведения. Каждый случай поведения, с точки зрения Роджера Баркера, имеет пространственный и временной контексты, и это трехкомпонентное единство — среда поведения — как раз и является адекватным уровнем анализа в исследованиях психологии взаимодействия с окружающей средой.

Итак, место поведения включает специфический паттерн поведения, определенные пространственно-временные характеристики, сопутствующие этому поведению, оно включает людей, находящихся в данном пространстве, причем их поведение не зависит от личностных особенностей. То есть в концепции мест поведения описывается не поведение отдельных личностей, а паттерны поведения групп. «Когда мы приехали в Oskaloosa, мы обнаружили, что место поведения (как мы позже его назвали) является основой жизни для людей города» (Barker, 1990, p. 511).

Таким образом, место поведения включает **социальные правила и пространственно-физические аспекты** нашей ежедневной жизни. Один из примеров, взятый из наблюдения в Оскалузе, — Пресвитерианская церковь (the Presbyterian Church). Оно (место поведения) включает: 1) паттерны поведения, типичного для церкви (участие в религиозных обрядах, собрание пожертвований, пение псалмов и т. д.); 2) физическую окружающую среду церкви (кафедра проповедника, алтарь, скамейки и т. д.) и 3) время, когда церковь функционирует (выходные и будние дни, дневные, вечерние и ночные часы и т. д.). Другие примеры места поведения — супермаркет, школа, вокзал, станция обслуживания, клуб и т. д.

Существенным является тот факт, что жители приходят на место поведения на различное время, по-разному влияют на события, происходящие в нем, демонстрируют разную степень заинтересованности и ответственности. С этой точки зрения Роджер Баркер выделяет шесть уровней значимости места поведения. Чем более значимым оказывается пространство, тем глубже причастность и ответственность жителей.

Шесть уровней значимости места поведения, первоначально определенных Р. Баркер, представлены на рисунке 1.3 (с. 22): 1) наблюдатель; 2) гость; 3) член или клиент; 4) должностное или официальное лицо, чиновник; 5) лидер с неполной властью (лидер, не имеющий всей полноты прав); 6) абсолютный лидер.

Как видим, две первых позиции характеризуются минимальной причастностью к двум наиболее периферийным зонам, две вторые позиции означают среднюю включенность, а максимальная ответственность проявляется в двух центральных зонах. Каждая зона представляет собой определенную форму поведения, которая может быть рассмотрена с точки зрения норм поведения и социальных ролей.

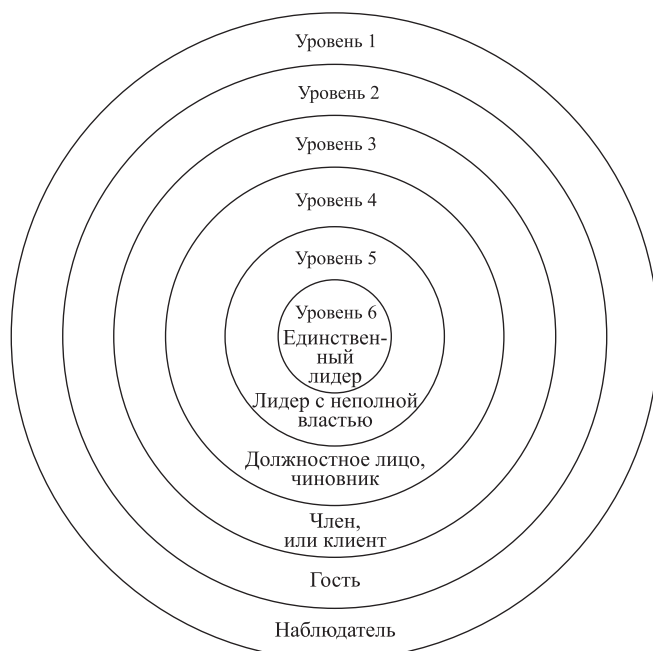

Рис. 1.3. Уровни значимости места поведения
(Bonnes, Secchiaroli, 1995, p. 50)

Необходимо также отметить, что место поведения существует только в действии. Невозможно представить, что какое-то место вдруг «замрет», а те, кто в нем действуют, остановятся. Наоборот, во времени непрерывно воссоздается паттерн поведения группы людей, свойственных данному месту, которое подчиняется специальному сценарию. Например, вокзал — место поведения, куда кто-то приходит на работу, кто-то — покупать билет, а кто-то находится в нем проездом (рис. 1.4). Однако поведение всех участвующих — пассажиров, кассиров, администраторов, милиционеров, нищих, цыган, продавцов в магазинах, начальника вокзала — оказывается неразрывно связанным. Например, забастовка машинистов или действия по предотвращению теракта напрямую отразятся на пассажирах, чиновниках, работников вокзала, которые, в свою очередь, будут вести себя уже иным образом, что приведет к тому, что место поведения преобразится. В исключительных случаях оно может даже прекратить свое существование.

Таким образом, окружающая обстановка, или место поведения, представляет собой настоящий саморегулирующийся организм, в котором у людей есть возможности реализовать некоторые из своих потребностей. Несоответствие между местом поведения и человеком возникает в случае несоответствующего количества участников и ролей.

В 1960-е годы Роджером Баркером и Полом Гампом была сформулирована, а в 70-е А. Викером (A. W. Wicker) и Робертом Бэтчелом (Robert Bechtel) (по Bonnes, Secchiaroli, 1995) закончена «теория укомплектования» (manning theory) места. Согласно этой теории, место включает в себя определенное число людей, которое может

Рис. 1.4. Вокзал — место, в котором поведение различных групп людей — пассажиров, встречающих, администрации и т. д. — неразрывно связано. Изменение размеренного течения событий приведет к преобразению места поведения.

быть оптимальным или неоптимальным. Окружающая обстановка с меньшим, чем оптимальное, числом людей была названа «недоукомплектованным» (*undermanned settings*), или «недоселенным» местом. По сравнению с местом, содержащим в себе оптимальное число людей, она имеет специфические характеристики.

Идея недоукомплектованного (недоселенного) места основана на наблюдениях Р. Баркера и П. Гампа (*Ibid.*), проведенных в больших и маленьких школах. В их исследованиях были выявлены различия в разнообразии деятельности и поведении детей в зависимости от их числа в школе. Так, например, было обнаружено, что учащиеся из маленьких школ были более активными, чем учащиеся из больших школ. Авторы интерпретируют такой результат, основываясь на теории места поведения, которое остается неизменным независимо от числа людей: именно поэтому они вынуждены вовлекаться в большую активность и деятельность, чем дети из больших школ. Место должно сохранять внутренний баланс при любом числе людей.

Роджер Баркер указывает на существенные аспекты последствия недоукомплектованной обстановки: вследствие недостаточного числа людей, участники часто должны исполнять несколько ролей, они поставлены перед необходимостью участвовать в различных видах деятельности даже в случае отсутствия желания. Следствия этого — большая зависимость людей друг от друга, тесные социальные контакты, однако часто уменьшается требовательность к качеству работы и новым участникам. Когда число людей превышает количество ролей, место называется «переукомплектованным» (*overmanned settings*), или «перенаселенным». В этом случае поведенческими последствиями являются специализация ролей, уменьшение социальных связей, снижение самооценки.

С точки зрения Р. Баркера недонаселенность — конструктивное состояние, она способствует активности людей. По существу теория обращает внимание на то, что

размер места может оказывать существенное влияние на тип поведения и возникающие в нем социальные отношения людей.

Первые книги, изданные по результатам начальных наблюдений, выполненных на Полевой станции Среднего Запада — это «*День Одного Мальчика*» («One Boy's Day») (Barker, Wright, 1951) и «*Средний Запад и Его Дети*» («Midwest and Its Children») (Barker, Wright, 1955). Обе основаны на тщательном наблюдении ежедневных событий в жизни детей г. Оскалуза (Barker, 1990).

В своих исследованиях Р. Баркер неоднократно требовал разрыва с традиционной психологией, которая также не оставалась безответной: в течение долгого времени его воспринимали как диссидента или как «не психолога» из-за его отказа применять экспериментальный лабораторный метод и отсутствия интереса к переменным характеристикам, которые рассматривались как обязательные, например индивидуальность.

В 1970-х годах Американская психологическая ассоциация открыто отвергла экологическую психологию, отрицавшую индивидуальность как объяснение человеческого поведения. Роберт Бэтчел (цит. по: Bonnes, Secchiaroli, 1995, p. 51), работавший в составе Канзасской группы, отмечает, что «Баркер нигде не отрицает значения индивидуальности, он просто ее игнорирует».

Новая область, появившаяся после работ Роджера Баркера и Герберта Райта (Herbert Wright) в штате Канзас, получила название «экологической психологии». Термин «экологическая» подразумевал биологическую перспективу и подчеркивал, что акцент ставится на естественно возникающем поведении в естественной обстановке. Экологическая психология стала предшественницей психологии взаимодействия с окружающей средой. Она подчеркивала роль физической обстановки в формировании человеческого поведения и будила живой интерес к воздействию, которое физическая окружающая среда оказывает на людей (по McAndrew, 1993).

Именно на закате работы Психологической полевой станции Среднего Запада, т. е. в конце 1960-х — начале 1970-х годов, психология взаимодействия с окружающей средой как область знания обрела свою собственную идентичность. «Это было время, когда развивались первые программы по подготовке дипломированных специалистов в психологии взаимодействия с окружающей средой, появились первые журналы и профессиональные организации, и многие психологи стали называть себя психологами, работающими в области взаимодействия с окружающей средой», — пишет Ф. Мак-Эндрю (McAndrew, 1993, p. 6).

Экологический подход (ecological approach) Ури Бронфенбреннера. Концепция Ури Бронфенбреннера (Urie Bronfenbrenner) (Bronfenbrenner, 1977a, 1976, 1979) также является прямым развитием теории Курта Левина. Она сосредоточена на проблемах психологического развития, анализе методов и возможности их корректного применения в рамках социальной психологии, раскрывая понятие «экологии развития человека» (*the ecology of human development*), которое по сути своей строится на концепции «психологической экологии» К. Левина. Ури Бронфенбреннер применяет ее к проблемам развития детей и социальных изменений.

Интерес к социальному аспекту психологии развития и концепции К. Левина привел его к изучению физической и социальной окружающей среды с помощью собственных методов. С его точки зрения инструментарий, применявшийся в разных

направлениях психологии тех лет, не мог выявить корректные данные и не позволял интерпретировать их соответствующим образом. Кроме того, он критиковал классическую психологию за то, что она слишком много внимания уделяла процессам личности по сравнению с процессами, происходящими в окружающей среде. Были у Бронфенбреннера претензии и к школам, учитывавшим характеристики окружающей среды, таким как экологическая психология Р.Баркера. «Обе группы адаптировали к исследованию человеческого поведения модель, первоначально разработанную для наблюдения за не достигшими человеческого уровня (не разумными) видами (*sub-human species*). Возможности этой модели ограничивает представление об окружающей среде, которая может быть весьма адекватной для исследования поведения животных, но едва ли достаточна для изучения человека» (Bronfenbrenner, 19776, p. 514). Согласно У.Бронфенбреннеру, главная проблема концепции окружающей среды состоит в том, что «она . . . сосредотачивается на наблюдении поведения только одного или, самое большее, двух существ одновременно в одной обстановке» (Ibid.).

В полемике с представителями такого подхода У.Бронфенбреннер придерживается идеи, согласно которой понимание развития человека требует выхода за пределы прямого наблюдения за поведением одного или двух человек в определенном месте; оно требует исследования взаимодействия систем с большим количеством людей (*multiperson systems*), не ограниченных одним-единственным пространством, и должно принимать во внимание аспекты окружающей среды вне непосредственной ситуации, содержащей субъекты исследования (Ibid., p. 514–515). Говоря о методах, он предлагает «расширить подход, естественный и экспериментальный», и «расширить и объединить теоретические концепции окружающей среды, лежащие в их основе» (Ibid., p. 515).

Таким образом, цель Бронфенбреннера состояла в разработке значительно более широкой и определенной концепции окружающей среды, чем ранее существовавшие в психологии. Он приходит к определению «экологической окружающей среды» (*ecological environment*), рассматриваемой «как расположение структур, каждая из которых находится внутри последующих», и называет их (начиная с внутренней части и двигаясь к внешней стороне): микросистема (*microsystem*), мезосистема (*mesosystem*), экзосистема (*exosystem*) и макросистема (*macrosystem*).

Микросистема определена как комплекс отношений, существующих между человеком и окружающей средой в конкретной обстановке, где есть человек: «Обстановка (*setting*) определена как место с определенными *физическими особенностями*, в которой *участники* вовлечены в определенную *деятельность* в определенных *ролях* на протяжении определенного промежутка *времени*. Факторы места, времени, физических особенностей, деятельности, участников и их ролей составляют необходимые *элементы* обстановки» (Ibid., p. 514).

Микросистема представлена опытом человека в данной обстановке. Важно иметь в виду, что Бронфенбреннер (Bronfenbrenner, 1979, p. 22) подчеркивает решающую роль переживания человеком обстановки как элемента, характеризующего микросистему: «Решающий термин в определении микросистемы — опыт. Термин используется, чтобы указать, что с научной точки зрения особенности любой окружающей среды включают не только ее объективные свойства, но также и способ, которым в данной среде эти свойства воспринимаются людьми».

Рис. 1.5. В концепции окружающей среды У. Бронфенбреннера рассмотрены различные уровни системы. Так, для понимания поведения ребенка важно учитывать физические и временные аспекты окружающего пространства школы (микросистема); его отношения в школе, семье, с друзьями (мезосистема), а также место работы родителей, класс младшей сестры, деятельность местного школьного правления (экзосистема).

Мезосистема представляет собой «систему микросистем», так как она «включает взаимосвязи между двумя или большим количеством обстановок, в которых активно участвует человек» (Ibid., p. 25). Как пример мезосистемы ребенка Ури Бронфенбреннер приводит отношения дома, в школе и с друзьями, живущими в соседних домах или, в случае взрослого, отношения в семье, на работе, в социуме.

Экзосистема состоит из «одного или большего количества обстановок, которые не просто включают активное участие человека, но в которых возникают события, влияющие на то, что происходит в обстановке, где есть человек» (Ibid.). В случае с ребенком примерами экзосистемы могут быть место работы его родителей, класс и друзья младшей сестры, деятельность местного школьного правления и т. д.

Макросистема «обращается к объединению формы и содержания систем более низкого порядка (микро-, мезо- и экзосистем), которые существуют или могли бы существовать на уровне субкультуры или культуры в целом, в определенной системе ценностей и идеологии» (Ibid., p. 26).

Подход У. Бронфенбреннера к проблеме отношений окружающей среды и человека характеризует попытка представить идеи психологической экологии К. Левина в системной перспективе. Он показывает, что его предложение «экологического подхода» нацеливается прежде всего на восстановление системной и, таким образом, взаимосвязанной и целостной картины естественной экологии (naturalistic ecology). Он критикует психологические исследования, базирующиеся исключительно на модели физики (главным образом модели однонаправленной причинной связи), а не на биологических процессах природы, в которой причинная связь процессов всегда взаимна и двунаправленна: «Сегодня все мы, как хорошие экологи, знаем, что процессы двунаправлены» (Bronfenbrenner, 1977a, p. 277).

Отличительная особенность экологического подхода состоит в рассмотрении человека, окружающей среды и отношений между ними с точки зрения единой системы. «В отличие от традиционной однонаправленной модели исследования, типично используемой в лаборатории, экологический эксперимент должен учитывать взаим-

ные процессы; т.е. не только влияние А на В, но также и влияние В на А. Это требование взаимности» (Bronfenbrenner 19776, р. 519). В отличие от традиционно применяемых в психологии исследований «первичная цель экологического эксперимента становится не проверкой гипотез, но *открытием* — определением тех свойств систем и процессов, которые влияют на поведение и развитие человека (и которые, в свою очередь, испытывают это влияние)» (Ibid.).

Кроме того, У. Бронфенбреннер выдвигает на первый план еще один аспект, вытекающий из системного подхода, — анализ так называемых «эффектов второго порядка» (*second-order effects*). Согласно его представлению, эти эффекты — типичные явления, которые вообще не учитываются при традиционном исследовании. Экологический подход указывает на существование и важность этих эффектов. Классическая парадигма позволяет изучать только то, что можно назвать эффектами первого порядка (*first-order effects*); т.е. влияние А на В или В на А. «Нет ни интереса, ни возможности исследования, как взаимодействие А и В могло бы быть затронуто третьей частью С. Этот эффект второго порядка появляется на последующих уровнях системы и каждый раз открывает новые перспективы для исследования» (Bronfenbrenner, 1977a, р. 279).

С учетом вышесказанного становится понятно, что при исследовании детского развития внимание Бронфенбреннера сконцентрировано на системах и подсистемах различного уровня: триада (пара) родитель — ребенок, дом, школа, детский сад и т.д. Учитываются как прямые, так и косвенные влияния социальной и пространственно-физической окружающей среды.

Обратимся к примеру. В 1970-е годы Д. Гласом (D.C. Glass) и Д. Зингером (J.F. Singer) (по Bonnes, Secchiarioli, 1995) были осуществлены широкомасштабные исследования выявления влияния шума городской среды на способность к чтению детей, проживающих в различных областях Манхэттена. У детей, проживающих на более низких этажах, были обнаружены снижение слуха и меньшая способность к чтению, чем у проживающих на более высоких этажах тех же самых зданий (среднее число этажей — тридцать два). Бронфенбреннер (Bronfenbrenner, 19776, р. 522), однако, приводит доводы против выводов, сделанных авторами о прямом влиянии шума на способности детей, выдвигая гипотезу возможного влияния эффектов второго порядка. Он указывает, что обстановка реальной жизни помимо детей, отобранных в качестве объектов исследования, включала и других людей — их родителей и членов семей, которые также подвергались транспортному шуму. Можно предположить, что это влияние в некоторой степени изменяло и их состояние. Ухудшение слуха и сниженная способность к чтению у детей, возможно, появились не только как функция от прямого воздействия шума, но, вероятно, и как следствие изменения состояния взрослых, которые под воздействием той же самой обстановки реже участвовали в разговорах, читали вслух или исправляли произношение детей при чтении.

Бронфенбреннер размышляет о том, что не существует достоверных данных, чтобы подтвердить или опровергнуть существование такого эффекта второго порядка. Однако, возможно, была бы получена иная информация, если бы в исследование были включены и другие участники обстановки. Автор настаивает, что дети — лишь часть системы, и невозможно делать корректные выводы о явлениях только на основании изучения микросистемы, не уделяя внимание мезо-, экзо- и макросистемам.

На основании своей теоретической модели У. Бронфенбреннер обращает внимание на возможное влияние пространственно-физических особенностей окружающей среды на индивидуальное поведение и подчеркивает, что в некоторых случаях они представляют собой эффекты второго порядка, а в некоторых — эффекты первого порядка.

Экологический подход У. Бронфенбреннера хотя и косвенно связан с пространственно-физическими аспектами окружающей среды, представляет собой теоретическую базу психосоциальных исследований и имеет существенное значение для формирования и развития идей психологии взаимодействия с окружающей средой (Stokols, Altman, 1987).

Гарольд Прошански (Harold Proshansky) (1987) приводит много фактов, свидетельствующих о бурном интересе классической науки к психологии взаимодействия с окружающей средой. Этот интерес подогревали растущие социальные проблемы, когда общество обращалось к социальной психологии за ответами на злободневные вопросы, однако часто не получало ответа. Предпочтение классических исследований, осуществляемых в искусственной лабораторной обстановке, делало социальных психологов не подготовленными к решению практических проблем, и они в конце концов были вынуждены изменить традиционные подходы к экспериментированию.

Новая область психологии взаимодействия с окружающей средой была более эклектична, менее жестко привязана к теории и более междисциплинарна. Хотя она и была далека от совершенства, но более жизнеспособна, более адекватно реагировала на ситуацию. Первые работы в этой области были выполнены социальными психологами, отличавшимися практическими интересами и гибким подходом к решению проблем.

Сегодня социальное психологическое наследие в психологии взаимодействия с окружающей средой все еще заявляет о себе, так как много психологов, работающих в этой области, обучались на основе классических социальных программ. Этот «брак», как указывает Ф. Мак-Эндрю (McAndrew, 1993), создал довольно напряженные отношения. Социальная психология традиционно полагалась на первичность качественной, хорошо выстроенной теоретической концепции, без которой проведение исследований невозможно. Так, Г. Прошански (1976), который сам является социальным психологом, верит, что социальная психология мало что может предложить психологии взаимодействия с окружающей средой и что психологи, работающие в этой области, выиграли бы, «разведясь с ними полностью».

Ирвин Альтман (Irwin Altman) (по McAndrew, 1993) и многие его коллеги констатировали, что хотя теории и экспериментальные методы социальной психологии остаются одним из самых больших активов психологии взаимодействия с окружающей средой и пока влияние социальной психологии все еще сильно, оно постепенно снижается, а число исследователей окружающей среды/поведения, получивших иную специализацию (психология развития, искусство, архитектура, социология), продолжает расти.

Итак, такой предмет исследований, как психология взаимодействия с окружающей средой, в разное время привлекал внимание большого числа крупных ученых и рассматривался в рамках различных направлений — психологической экологии (*psychological ecology*) К. Левина, экологической психологии (*ecological psychology*) Р. Баркера, экологического подхода (*ecological approach*) У. Бронфенбреннера,

экологического подхода к зрительному восприятию (*the ecological approach to visual perception*) Д. Гибсона, исследований экологической валидности (*ecological validity*) Э. Брунsvика и многих других.

Однако, несмотря на существование различных подходов, в 1964 г. на конференции Американской ассоциации больниц в Нью-Йорке в докладе «Психология взаимодействия с окружающей средой и архитектурное планирование» У. Иттelson впервые предложил использовать единый термин — «психология взаимодействия с окружающей средой» (Handbook, 1987; McAndrew, 1993; Bonnes, Secchiaroli, 1995; Cassidy, 1997). В настоящее время именно этот термин стал устоявшимся и основным в исследованиях «человек — окружающая среда».

Бурное развитие психологии взаимодействия с окружающей средой нашло отражение на страницах многих изданий, в учебниках, на конференциях, появились соответствующие специализации в программах учебных заведений. Приведем краткий обзор.

Темы данной дисциплины обсуждаются во многих журналах: «*Архитектурный информационный бюллетень психологии*», («Architectural Psychology Newsletter»), «*Дизайн и окружающая среда*» («Design and Environment»), «*Журнал архитектурных исследований*» («Journal of Architectural Research») и др.

В 1969 г. вышел в свет первый и основной американский журнал «*Окружающая среда и поведение*» («Environment and Behavior»), специализирующийся на этом типе исследований. Разнообразие статей, публикуемых в журнале, отражает междисциплинарный характер области. Вскоре появился еще один журнал — «*Невербальное поведение и психология взаимодействия с окружающей средой*» («Non-Verbal Behavior and Environmental Psychology»). С 1978 по 1987 г. издавался журнал «*Население и окружающая среда*» («Population and Environment»). В 1981 г. в Великобритании появился «*Журнал психологии взаимодействия с окружающей средой*» («Journal of Environmental Psychology»), профильный по данной тематике.

30 января 2008 г. на Конференции в Ливерпуле (Великобритания) был основан новый журнал, нацеленный на исследования эффективных стратегий в возрождении и реконструкции жилых районов — «The International Journal of Neighbourhood Renewal».

В настоящее время существует достаточно много учебников по психологии взаимодействия с окружающей средой. Подавляющее их число — на английском языке. Первый учебник «Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой» («An introduction to environmental psychology»), подготовленный группой исследователей Городского университета Нью-Йорка (the City University of New York) — Уильямом Иттelsonом (William H. Ittelson), Гарольдом Прошански (Harold M. Proshansky), Лианой Ривлин (Leanne G. Rivlin), Гари Уинкелем (Gary H. Winkel), появился в 1974 г. Кроме того, можно назвать «Руководство по психологии взаимодействия с окружающей средой» («Handbook of Environmental Psychology») общим объемом в 1654 стр. Его подготовка заняла семь лет. Исследователи из США, европейских (Великобритания, Швеция, Голландия, Германия, Франция, Италия, Советский Союз) и не европейских стран (Япония, Австралия, Латинская Америка) описали особенности развития становления дисциплины и ее черты, характерные для их научных сообществ.

Позже появились учебники: Клод Леви-Лебоер (Claude Levy-Leboyer, 1982);

Фрэнсиза Мак-Эндрю (Francis T. McAndrew, 1993); Рассела Вейтч и Даниэла Арккелин (Russell Veitch, Daniel Arkkelin, 1995); Пола Бэлла (Paul A. Bell), Томаса Грина (Thomas Green), Джеффри Фишера (Jeffrey D. Fisher) и Эндрю Баума (Andrew Baum) (Environmental Psychology, 1978, 1984, 1996, 2001); Тони Кассиди (Tony Cassidy, 1997); Роберта Гиффорда (Robert Gifford, 2002); Роберта Бэчела (Robert B. Bechtel) и Эрзы Чечмена (Arza Churchman) (Handbook of Environmental Psychology, 2002) и многие другие.

Первой организованной попыткой объединить в США усилия теоретиков и практиков, заинтересованных проблемами «человек — окружающая среда», явилась Ассоциация по исследованиям в области дизайна окружающей среды (Environmental Design Research Associates — EDRA), учрежденная в 1968 г., которая проводит ежегодные конференции, способствует обмену информацией.

В 1981 г. был основан ее европейский аналог — Международная ассоциация исследования людей и их физического окружения (International Association for the Study of People and their Physical Surroundings). Это название было позже изменено на другое — Международная ассоциация исследований в области «человек — окружающая среда» (the International Association for People-Environment Studies — IAPS); конференции этой ассоциации проводятся каждые два года. Кроме того, в 1976 г. Американская психологическая ассоциация сформировала новое подразделение — «Население и психология взаимодействия с окружающей средой» (Population and Environmental Psychology).

Отделение по психологии взаимодействия с окружающей средой имеется и в такой известной организации, как Международная ассоциация прикладной психологии (International Association of Applied Psychology — IAAP).

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТИ В АРХИТЕКТУРЕ И АРХИТЕКТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Одно из самых важных событий, касающихся проблемы, вынесенной в заглавие этой части, произошло в 1958 г., когда под руководством Уильяма Иттельсона (Irwin Altman) и Гарольда Прохански (Harold Prohansky) в Городском университете Нью-Йорка (The City University of New York) образовалась рабочая группа, цель которой состояла в изучении того, как пространственно-архитектурная обстановка психиатрической больницы влияет на поведение пациентов. Одна из первых работ этой группы называлась «Некоторые факторы, влияющие на дизайн и деятельность психиатрических учреждений» («Some Factors Influencing the Design and Function of Psychiatric Facilities») (по McAndrew, 1993; Bonnes, Secchiaroli, 1995; Bell et al., 1996, 2001; Cassidy, 1997). Как писали У. Иттельсон и Г. Прохански (Resources..., 1979), возможно, из-за того, что психическая болезнь всегда была одной из главных социальных проблем, случилось так, что исследование психиатрической больницы, а точнее, больничной палаты, положило начало важнейшим работам в области психологии взаимодействия с окружающей средой.

Уильям Иттельсон, Гарольд Прохански, Даниэл Розенблатт (Daniel Rosenblatt) а позже и Лиана Ривлин (Leanne G. Rivlin) делали первые шаги к созданию целостной исследовательской программы, которая демонстрировала бы влияние дизайна

больничных палат на поведение пациентов в психиатрических стационарах (Ittelson, Proshansky, Rivlin, 1970; Resources..., 1979). Эти первые шаги включали изучение соответствующей литературы и развитие серии рабочих материалов для ориентации в специфике проблемы. К 1962 г. У. Иттelsonом, Г. Прошански, Д. Розенблаттом и Л. Ривлин были предприняты первые исследования психиатрических палат, которые продолжались в течение восьми лет. В результате им удалось взглянуть на проблему шире, цель работы включала изучение отношений между поведением и физической окружающей средой в целом, а не только пациента и физического пространства больницы.

Попытка группы У. Иттельсона и Г. Прошански изучить отношения между архитектурным дизайном и поведением пациентов в психиатрических больницах не была единичной. В это же время и в США, и в других странах в подобные научно-исследовательские работы были вовлечены психологи и психиатры. Например, в конце 1950-х годов в Канаде начали свою научно-практическую деятельность психиатр Хампфри Озмонд (Humphrey Osmond) и социальный психолог Роберт Зоммер (Robert Sommer).

Канадский психиатр Хампфри Озмонд опубликовал результаты своих исследований в статье «Функция как основа дизайна психиатрических отделений» («Function as the Basis of Psychiatric Ward Design») (Osmond, 1957). Предметом исследования он выбрал расположение мест для сидения (*seating arrangement*) в комнатах отдыха психиатрических клиник и стал анализировать то, как то или иное расположение стульев или кресел усиливает или ослабляет социальное взаимодействие пациентов. Х. Озмонд предложил термин **«социопетальное расположение»** (*sociopetal spacing*) для описания обстановки, усиливающей социальное взаимодействие, а термин **«социофугальное расположение»** (*sociofugal spacing*) — для обозначения обстановки, снижающей социальное взаимодействие пациентов и даже препятствующей ему.

Типичным примером социопетального расположения является обеденный стол дома, когда члены семьи сидят вокруг стола лицом друг к другу (рис. 1.6). Типичный пример социофугального пространства — ряд стульев, расположенных спинками друг к другу, чтобы люди не видели лица соседей (рис. 1.7). Большинство же расположений занимают то или иное место в континууме указанных состояний.

Первоначально мы можем заключить, что социопетальное расположение — «хорошее», а социофугальное — «плохое». Однако понятно, что все будет зависеть от ситуации. Например, в библиотеке или зале ожидания на вокзале человек скорее нацелен на решение своих задач в одиночестве, а при посещении с друзьями кафе — он хочет занять такой столик, за которым он сможет увидеть каждого и общаться наиболее интенсивно. В то же время исследования показывают, что социопетальное расположение не всегда способствует объединению людей и облегчает их общение. Это может быть связано с другими факторами, такими как личность или способность к социальному взаимодействию. Тем не менее социопетальное и социофугальное положения, несомненно, могут облегчать или снижать социальное взаимодействие. Последующие работы Р. Зоммера (McAndrew, 1993; Bonnes, Secchiaroli, 1995; Bell et al., 1996, 2001; Cassidy, 1997) основывались на этих первых исследованиях Х. Озмонда. Изучая поведение пациентов в гериатрических палатах, Зоммер развивал концепции **«территориальности человека»** и **«персонального пространства»**.

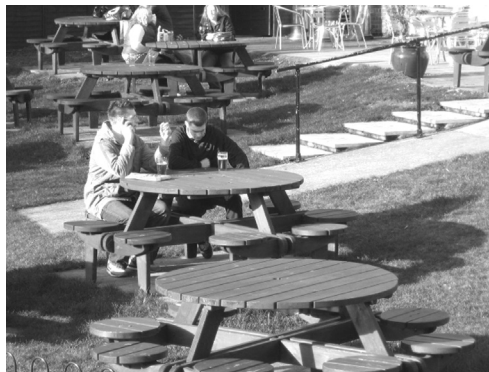

Рис. 1.6. Социопетальное расположение усиливает социальное взаимодействие.

Рис. 1.7. Социофугальное расположение снижает социальное взаимодействие.

Р. Зоммер (Sommer, 1959, 1969; Sommer, Ross, 1958) отмечал, что типичный зал аэропорта или залы ожидания на железной дороге обычно имеют социофугальное расположение, когда сидения расположены спинка к спинке. Социопетальное — это расположение лицом к лицу вокруг некого центра, например стола, что способствует более глубокому общению людей друг с другом. Проведя ряд наблюдений, Р. Зоммер выявил, что традиционные комнаты для отдыха в дневное время в психиатрических учреждениях были социофугальными, а стулья располагались рядами вдоль стен, спинками к стене. Он указывает (1969), что такое расположение предпочиталось санитарам, потому что это делало наблюдение за больными более легким, а помещение имело, с их точки зрения, более аккуратный вид; оно предпочиталось и работниками столовой, потому что было более удобным для разноса пищи (по Cassidy, 1997, р. 8). Подобное расположение ограничивало взаимодействие и общение пациентов, стимулировало у них ощущение зависимости, делало управление пациентами более легким.

Однако, как указывают А. Айллон (A. Ayllon) и И. Азрин (I. Azrin) (Ibid.), подобная зависимость сдерживала восстановление и ограничивала развитие социальных навыков пациентов.

В одном из самых ранних исследований Р. Зоммер и Х. Росс (Sommer, Ross, 1958) были приглашены в больницу в провинции Саскэчуан (Saskatchewan), где новые палаты почему-то оказывали на пациентов угнетающий и изолирующий эффект. Исследователи заметили, что стулья были выстроены бок о бок в линию вдоль стены. Все стулья смотрели в одну и ту же сторону и вместо того, чтобы смотреть друг на друга, люди вынуждены были смотреть в стену. Когда экспериментаторы переставили стулья в маленькие группы, образующие круги, частота взаимодействий среди пациентов почти удвоилась. Другие исследования также выявили, что такое расположение пространства, где люди смотрят друг на друга, приводит к большему взаимодействию между членами группы (Mehrabian, Diamond, 1971). Расположение стульев спина к спине или рядом друг с другом снижает желание общаться и приводит к уединению и изоляции.

Изменение расположения стульев на социопетальное существенно улучшило и взаимодействие пациентов, и динамику их реабилитации. Несмотря на сопротивление работников психиатрических больниц при изменении пространства, наблюдалось улучшение настроения медицинского персонала и сокращение прогулов. Однако подобная динамика наблюдалась только там, где готовность к изменениям у медицинского персонала была достаточно велика и где работу со штатом можно было начать с наименьшими трудностями. Все это демонстрирует сложную взаимозависимость факторов в исследовании окружающей среды.

Тогда же в Европе французский психиатр Пол Сильвадон (Paul Silvadon; по Bonnes, Secchiarioli, 1995) совместно с архитекторами начал исследования роли дизайна психиатрической больницы в улучшении состояния и реабилитации пациентов. В 1969 г. результаты этих исследований при поддержке Всемирной организации здравоохранения были им опубликованы в монографии.

Таким образом, в конце 1950-х годов в различных странах теоретически, но, главное, практически, изучались дизайн и планирование психиатрических больниц. Вместе с тем необходимо учесть, что деятельность исследовательских групп, предполагавших взаимодействие психологов и архитекторов, следует рассматривать не только и не столько в области развития психологической, а скорее в области развития архитектурной науки того времени. Изначально это движение появилось в школах архитектуры и крупных дизайнерских фирмах вследствие пересмотра и исправления архитектурных решений. Особенное внимание уделялось соединению архитектурного дизайна с социальными науками и, в частности, с психологией. Междисциплинарная область исследований, сосредоточенная прежде всего на сотрудничестве между архитекторами и психологами, сразу же была названа как в США, так и в Европе (в частности, в Великобритании и Швеции) «архитектурной психологией». «Архитектурная психология» отражает направление, которое объединяет большое количество работ, посвященных дизайну среды и его последующему влиянию на поведение людей (Ibid.).

В 1956 г. Комиссия по исследованиям Американского института архитекторов (Research Commission of the American Institute of Architects — AIA) предложила Национальному фонду науки (National Science Foundation — NSF) провести конференцию (состоялась в 1959 г. в университете Мичигана), главной темой которой стали отношения между точными, биологическими и социальными науками при решении проблемы создания оптимальных окружающих сред для деятельности человека. Ее

участниками были архитекторы, гражданские инженеры, проектировщики городов, психологи и социологи.

В 1958 г., еще до проведения этой конференции, было заключено одно из первых соглашений между архитекторами и психологами о совместной работе над созданием нескольких студенческих общежитий в университете Индианы. После завершения строительных работ и введения зданий в эксплуатацию они были подвергнуты специальным исследованиям по оценке их качества. За эти годы сотрудничество между психологами и архитекторами стало более систематическим: проводились совместные исследования, организовывались конференции. В 1961 г. была проведена первая конференция по архитектурной психологии в университете Юты, следующая произошла несколькими годами позже (1966) в том же самом университете и была организована архитектором Роджером Бэйли (Roger Bailey) и психологом Кэлвином Тэйлором (Calvin Taylor) (Bonnes, Secchiarol, 1995). В 1967 г. университет Юты начал выпускать *«Информационный бюллетень по архитектурной психологии»* (*The Architectural Psychology Newsletter*), посвященный распространению работ по этой тематике; в 1969 г. в качестве составной части он вошел в новый журнал *«Системы человек—окружающая среда»* (*Man — Environment Systems*).

Подобные инициативы расширения взаимосвязей между психологией и архитектурой происходили и в последующие годы в других университетах США — университете Канзаса, Государственном университете штата Пенсильвания, университете Кларка и Технологическом институте штата Массачусетс (the Massachusetts Institute of Technology — MIT). Исследования, начатые в MIT в конце 1950-х годов городским проектировщиком Кевинем Линч (Kevin Lynch), играли определяющую роль в развитии этого типа сотрудничества.

Работа *«Образ города»* (*The Image of the City*) американского специалиста по проектированию городов (urban planner) Кевина Линча (Lynch, 1960; Линч, 1982), изданная в 1960 г., получила широкую известность и актуальна до сегодняшнего дня. К. Линч (1960) обратил внимание на восприятие урбанистической среды жителями городов. Он описывает когнитивные карты как внутреннее (субъективное) представление пространственного положения объектов. Подробно эта тема будет нами раскрыта в главе 4 *«Познание окружающей среды»*.

Среди наиболее известных исследователей городского пространства отметим также Джейн Джейкобс (Jane Jacobs). Ее книга *«Смерть и жизнь больших американских городов»* (*The Death and Life of Great American Cities*) (Jacobs, 1993), опубликованная в 1961 г., указывает на зло массового городского обновления и строительства. Интерес автора к пониманию того, как функционирует город, привел к исследованию образцов социального поведения. Особенно примечательны наблюдения использования и социальных функций тротуаров, маленьких магазинов и местных парков. Противопоставляя им безликий характер большинства городских проектов, исследовательница доказывает, что в городской среде следует сохранять «человеческий масштаб». Среда должна быть соразмерной человеку. В своих предложениях городским проектировщикам и дизайнерам Джейкобс защищала значимость разнообразия в планировании городских районов, небольшой концентрации людей, маленьких домов, смешанных типов зданий (более старые здания должны быть сохранены!) и такого удобного и уютного пространства, которое поощряло бы присутствие

людей на улицах и создавало у жителей ощущение разделенной ответственности за порядок и безопасность.

В 1960-х годах специалист по городскому проектированию (*urban planner*) и один из самых известных психологов, работающих в области взаимодействия с окружающей средой в США Гэри Мур (Gary Moore) (1987, р. 1376), вспоминал: «В 1966 г. в конце конференции в Университете Ватерлоо в Канаде я и мои коллеги сформировали Группу методов дизайна (*the Design Methods Group*), которая провела свою первую конференцию в июне 1968 г. в Технологическом институте штата Массачусетс. Исследователи, не удовлетворенные методами планирования и дизайна, применявшимися в рамках архитектурной психологии, решили отделиться и организовали ряд ежегодных конференций, спонсируемых недавно сформированной Ассоциацией исследований в области дизайна окружающей среды (*Environmental Design Research Association*)».

Таким образом, в секторе архитектуры росла неудовлетворенность дизайном, который был определен как «эгоцентрический», виделся как изначально нацеленный на удовлетворение эстетических потребностей в самоутверждении архитектора или дизайнера, строящих «личные памятники», а не здания, предназначенные удовлетворять потребности их пользователей.

Рис. 1.8. МГУ им. М. В. Ломоносова и район «сталинской» постройки в Санкт-Петербурге.

Развитие архитектурной психологии во многом было связано с послевоенной реконструкцией и строительством, которые происходили в этот период в условиях ограниченных ресурсов и времени, что не могло не сказаться на качестве создаваемой окружающей среды. Тем не менее в Советском Союзе многие здания, построенные в это время, и сейчас считаются примером прочности и надежности (рис. 1.8).

В Великобритании процесс становления архитектурной психологии также шел полным ходом. Первый реальный интерес к этому направлению возник сразу после Второй мировой войны (см. рис. 1.9). Наука архитектурного проектирования стояла перед проблемой растущих запросов правительств и частных организаций, которые сталкивались с большим объемом строительства и программами реконструкции. Потребность в планировании строительных комплексов, а не отдельных зданий становилась все более актуальной. Также необходимо отметить, что пользователи этих

комплексов были сильно удалены от проектировщика, который знал о них и об их потребностях очень немного. Крупномасштабная послевоенная реконструкция, с ее ограниченными ресурсами, приводила, таким образом, к потребности в оптимизации самого процесса проектирования, и поэтому в него оказались вовлечены общественные науки.

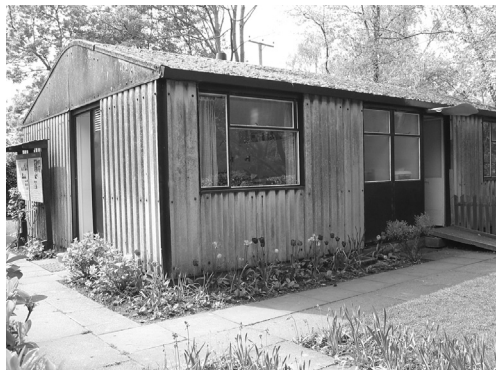

Рис. 1.9. Сборный дом, находящийся в музее исторических зданий Эвонкрофт (Avoncroft), Англия. Внешний вид и одна из комнат.

В 1944 г. проблема жилья в Англии достигла угрожающих масштабов. Премьер-министр У. Черчилль объявил о программе неотложного строительства жилья (Emergency Housing Programm), в рамках которой было построено 157 тыс. сборных домов (prefabs). Вследствие недостатка материала для строительства часто использовалось вторичное сырье, например, поврежденные самолеты: один бомбардировщик мог обеспечить алюминиями строительство трех временных домов. Строительство временных домов было быстрым (всего 4 часа!) и достаточно простым процессом, не требующим квалифицированных кадров. Существенным было также использование доступных и дешевых, легко транспортируемых материалов. Несмотря на то, что срок жизни временных домов не должен был превышать 10 лет, многие из них просуществовали более 50 лет, а некоторые используются и сегодня.

Одним из покровителей сотрудничества проектирования и психологии был У. Черчилль (это указывается во многих источниках, например, Bonnes, Secchiarioli, 1995; Cassidy, 1997 et al.). В этой области он показал себя особенно проницательным и дальновидным. Так, на открытии дебатов в палате общин, которая была разрушена бомбардировками во время войны, он сказал, что «мы придаем форму нашим зданиям, а они, в свою очередь, формируют нас» (официальный отчет о заседаниях парламента за 1943 г., цит. по: Bonnes, Secchiarioli, 1995, p. 7). Кроме того, описывая, каким с его точки зрения должно быть здание после реконструкции, он указывал, что оно «должно быть такой величины, чтобы могло вмещать всех членов семьи сразу, но в то же самое время не создавать впечатление переполненности» (Ibid.), обращая внимание не только на значение функциональных характеристик строения, но и на важность переживания внутреннего комфорта в нем.

После того как У. Черчилль обратил внимание на эту тему, британское правительство стимулировало и финансировало многочисленные исследования, посвя-

ценные связи между архитектурой и поведением человека. Результаты этих исследований послужили толчком к принятию в Великобритании законодательных актов, определяющих условия планирования окружающей среды.

По завершении послевоенной реконструкции внимание к данному направлению заметно уменьшилось; однако в 1960-х годах интерес возобновился, и направление «архитектурной психологии» стало вновь актуальным. В 1969 г. в г. Даландхуй (Dalandhui), около Глазго (Шотландия), была проведена одна из первых европейских конференций по архитектурной психологии, а уже через год — вторая, в Кингстоне. В 1970 г. Дэвид Кантер (David Canter) опубликовал том трудов под тем же названием — «*Архитектурная психология*» (Bonnes, Secchiarioli, 1995), в основу которого были положены материалы первой конференции. И снова начались споры о необходимости введения новых методов дизайна в практическое и профессиональное обучение. Указывалось на значимость выявления потребностей пользователей до начала строительства, на этапе проектирования, а также проведения оценки пользователями зданий после завершения строительства и введения его в эксплуатацию. Теперь оценка пользователей рассматривалась как необходимый компонент в систематическом дизайне, и осуществлять работы на этой стадии должны были именно психологи.

В 1967 г. на факультете архитектуры Университета Стрэтклида (the University of Strathclyde) был учрежден Департамент по исследованиям характеристик зданий (The Building Performance Research Unit — BPRU), а в Университете Ливерпуля — Департамент по исследованиям строительства (Building Research Unit). Их цель состояла в том, чтобы развивать систематические эмпирические процедуры для оценки зданий. Рабочие группы, в обязанность которых входили анализ и выработка критериев оценки, включали специалистов из разных областей — психологов, инженеров-строителей, архитекторов и даже врачей. В этой деятельности принимали участие видные британские психологи, работавшие в области взаимодействия с окружающей средой, например, Дэвид Кантер. Впоследствии он перешел с Теренс Ли (Terence Lee) в Университет Суррея, чтобы создать группу психологов, специализировавшихся в этой области, а затем руководил ею. В 1960-х годах эта группа пробовала продвинуть направление исследований, которое, следуя за интересами архитектуры, было бы менее связано технологически и больше ориентировалось на психологию. В 1974 г. Д. Кантер и Т. Ли издали сборник, названный «*Психология и построенная окружающая среда*» («Psychology and the Built Environment»), который был подготовлен к Конгрессу по архитектурной психологии. Его авторы настаивали на потребности преодоления архитектурного детерминизма и двигались к исследованиям, связанным с взаимодействием человека и искусственной окружающей среды. Акцент, с их точки зрения, следовало ставить на исследовании отношений между переменными окружающей среды и действиями, мыслями и чувствами людей.

В своей книге «*Психология для архитекторов*» («Psychology for Architects») (1972) Кантер заметил, что архитекторы и дизайнеры, хотят они этого или нет, предлагая какие бы то ни было дизайнерские решения, должны быть в той или иной степени осведомлены в области психологии. Например, он указывает, что архитекторы придают чрезмерно большое внимание форме зданий и последующему визуальному эффекту, который, несомненно, влияет на восприятие человека, но не

проверен с точки зрения отношений между характеристиками физических стимулов и соответствующими психологическими реакциями. Таким образом, роль архитектурной психологии, с его точки зрения, состоит в том, чтобы представить научное обоснование этих явлений.

Д. Кантер и Т. Ли (Canter, Lee 1974) указывали, что вклад психологии в процесс архитектурного дизайна различен на тех или иных стадиях дизайна:

- **на стадии вынашивания и формирования идей** (*ideation*) в процессе дизайна используются общие данные исследований в области архитектурной психологии;

- **на стадии спецификации** (*specification*) важно выявление специфических связей; из физической окружающей среды могут быть выделены определенные характеристики, которые можно соотнести с определенными психологическими аспектами пользователей: например отношения между освещенностью и бессонницей или между шумом и качеством (результатом) работы и т. д.;

- **на стадии оценки** (*appraisal*) анализ проводится после окончания строительных работ и направлен на выявление психологических последствий воздействия здания на пользователя; здесь важно оценить адекватность дизайна потребностям потребителей и предложений по усовершенствованию текущего или будущего дизайна.

На этом основывалась британская архитектурная психология в 1970-х и даже в 1980-х годах. С тех пор термин «архитектурная психология» все еще используется в Великобритании наряду с термином «психология взаимодействия с окружающей средой», чтобы указать на тот же самый тип исследований. В США эти направления интегрированы в единый термин — «психология взаимодействия с окружающей средой» (Bonnes, Secchiarioli, 1995). Европейская ассоциация *IAPS* (Международная ассоциация исследований человек — окружающая среда — International Association for People-Environment Studies) до сих пор издает свой информационный бюллетень — «*Информационный бюллетень архитектурной психологии*» («Architectural Psychology Newsletter»).

Развитие этой новой области психологических исследований в Швеции было аналогичным. В результате реализации обширной правительственной программы обеспечения населения новым жильем в 1940-х годах началось взаимодействие между архитекторами и представителями социальных наук. Так же, как и в Великобритании, это привело в 1960-х годах к развитию архитектурной психологии. В 1967 г. в Университете Лунда (The University of Lund) был проведен первый конгресс по этой теме; в 1969 г. был учрежден Шведский комитет по архитектурной психологии. Исследовалось влияние физических факторов окружающей среды на психику человека. С этой точки зрения изучались цвет, свет, тепловой комфорт и т. д. «Не будет преувеличением сказать, что то, что сейчас известно под термином «психология взаимодействия с окружающей средой», в конце 1960-х годов было хорошо изучено в Швеции», — пишет Рихард Кюллер (Rihard Kuller) (1987, p. 1244) в «*Руководстве по психологии взаимодействия с окружающей средой*» («Handbook of Environmental Psychology»). Автор указывает, что сотрудничество дизайнеров и психологов имеет место и сейчас, более того, оно усиливается и становится все более систематичным в связи с учреждением специальных институтов для продвижения подобных типов исследований.

С начала 1950-х годов и в других европейских странах наблюдались отдельные примеры взаимодействия архитектуры и психологических наук. Весь второй том «Руководства по психологии взаимодействия с окружающей средой» («Handbook of Environmental Psychology», 1987) посвящен описанию примеров развития обсуждаемой дисциплины в Голландии, Германии, Франции, Австралии, Японии и других странах. Особый интерес вызывает обзор, посвященный развитию психологии взаимодействия с окружающей средой в Советском Союзе, что будет рассмотрено подробно в соответствующем параграфе.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТИ В ГЕОГРАФИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУКАХ

Другие дисциплины, внесшие существенный вклад в появление психологии взаимодействия с окружающей средой, представлены науками, изучающими физико-географическую (*physical-geographical*) и естественно-экологическую (*ecological-naturalistic*) окружающую среду.

Интерес к взаимоотношениям человека и его географического окружения зародился в античные времена. Еще в V в. до н. э. Гиппократ в своем трактате «О воздухе, водах и местностях» (Гиппократ, 1994, с. 278–305) утверждал, что существует сильная зависимость между заболеваниями и климатическими характеристиками разных мест. Эти идеи Гиппократа о влиянии среды на человека пережили многие эпохи. Как указывает Голд (1990, с. 51), «мысли ученых Древней Греции относительно воздействия климата на культуру имели большое хождение в Европе позднего Средневековья, а связи климата и истории исследовались многими французскими философами XVI–XVII вв., такими как Боден, де Бо и Монтескьё. В XIX в. эта тема привлекала еще больше внимания, причем традиционные для нее идеи были сформулированы в рамках более строгой доктрины, известной сейчас под названием «инвайронментализм» (*environmentalism*).

Инвайронментализм можно определить как совокупность взглядов, согласно которым первостепенное значение придается влиянию на человека природной среды, а также подчеркивается, что природное окружение жестко регламентирует условия жизни людей. Человеческое поведение видится строго ориентированным на приспособление к обстоятельствам, формируемым природной средой. Поведение представляется совокупностью реакций на раздражители, источником которых выступают климат, почвы, рельеф, растительность и тому подобное. В любой ситуации характеристики природной среды должны рассматриваться как силы, неподвластные контролю человека. Их считают независимой переменной в отличие от зависимой величины — поведения человека (*Ibid.*).

Это была одна из первых попыток географов обобщить географические знания. Они начали искать объяснение особенностям размещения населения на земной поверхности, и первым объясняющим фактором была названа природная среда, поэтому и возникла теоретическая позиция, по которой содержание человеческой деятельности определяется параметрами той природной среды, в которой обитает человек. Истоки инвайронментализма, или географического детерминизма, восходят к работе Ч. Дарвина «О происхождении видов» (появилась в 1859 г.). Его идеи эволюции,

естественного отбора и приспособления организмов оказали влияние на многих ученых. Среди них был и американский географ Уильям Моррис Дэвис, создавший известную модель циклического развития форм земной поверхности. В программном труде Дэвиса в 1908 г. (по Джонстон, 1987) ядром географии названо учение о взаимоотношениях между природной средой (аргументом, или управляющим агентом) и поведением людей (функцией).

Таким образом, начиная с последней трети XIX в. и до конца 1920-х годов в центре географической мысли находится *географический детерминизм*⁴. Согласно этому направлению инвайронментализма, глубинные корни любого компонента человеческой деятельности по цепочке причинно-следственных связей могут быть выведены из условий природного окружения. При этом подчеркивается, что человек всегда подвергается воздействию стихийных сил природы, находящихся вне его контроля.

Пика своего развития детерминизм достиг в 1925 г. С этого времени географический детерминизм стал подвергаться все усиливающейся критике, начало которой было положено французской школой *поссибилизма* (*possibilism*, от англ. *possibility* — возможность). Поссибилисты фокусировали внимание на некоторых принципиальных недостатках детерминистических построений: использовании примитивных корреляций в качестве решающих доказательств существования причинных связей; тщательном отборе весьма немногочисленных эмпирических наблюдений, а также переоценке значения непосредственного влияния внешней среды на повседневную жизнь людей. Согласно точке зрения, выдвинутой поссибилистами, человек является активным элементом, а окружающая среда — инертным элементом, ареной, предоставляющей возможность различных вариантов деятельности. Поссибилисты считали, что «нигде не существует необходимости, повсюду есть только возможности, и человек, как хозяин возможностей, есть распорядитель их использования» (Febvre, 1925; цит. по: Голд, 1990, с. 54), хотя это и не означает, что он полновластный хозяин природы.

Вплоть до первых послевоенных лет поссибилизм и детерминизм были как бы двумя крайними позициями в спорах географов, посвященных взаимоотношениям человека и окружающей среды. Попытки создания промежуточных теоретических построений вылились в теорию географического *пробабилизма* (*probabilism*, от англ. *probability* — вероятность), согласно которой одни природные условия создают более благоприятные возможности развития, а другие — менее благоприятные. Человек действительно является активным участником системы взаимодействий «человек—среда», однако успешность его деятельности определяется способностью адаптации к окружающей среде.

К концу 1960-х годов увеличивается интерес к так называемому «человеческому», или «антропогенному», фактору, который, однако, рассматривается как неотделимый компонент естественно-природных процессов.

В предисловии к книге Д. Голд «Психология и география: основы поведенческой географии» С. В. Федюлов пишет: «Мы видим три основных противоречия, дихото-

⁴Детерминизм (от англ. *determine* — определять, устанавливать, обуславливать, детерминировать) несет в себе элемент необходимости: все вещи в этом мире должны происходить именно так, как будто они происходят в силу предшествующих им причин (Психологическая энциклопедия, 2006).

мии географического мышления, присутствующие в науке с момента ее зарождения. Во-первых, это дихотомия “образ” — “логическая схема”, выразителем которой являются две тенденции, пронизывающие историю географии: художественно-страноведческая (родоначальниками можно назвать Страбона и Гомера) и статистико-картографическая (Эратосфен и Птолемей). Если первые для показа места создают его образ, то вторые — строгую схему; если первых интересует синтез компонентов территории, поиск взаимосвязей (в том числе и с поведением и характером людей, что и обусловило появление и устойчивость концепций “географического детерминизма”, поскольку связи трактуются упрощенно и лишь функционально), то вторых — точнейший показ места. Обе эти тенденции ярко представлены основателями современной географии: К. Риттером — первая, вторая — А. Гумбольдтом. Причем идеи, впоследствии развитые в поведенческой географии, намечены в работах обоих: Гумбольдт исследовал восприятие физико-географических явлений, а Риттер сформулировал знаменитое положение “человек — зеркало территории”. Второй дихотомией является дихотомия “общее” — “уникальное”, также имеющая в истории географии давнюю традицию, ярко проявившуюся в нашем веке, с одной стороны, в работах В. Кристаллера и А. Леша, с другой — Р. Хартшорна (концепция “уникальности места”). Смысл третьей дихотомии прорисовывается в емком высказывании В. Бутте, предшественника К. Риттера: “Население, ассимилируемое территорией, пытается ассимилировать ее”. Итак, “население” — “территория”, т. е. ориентация на изучение либо деятельности в ее проявлениях на территории, либо прежде всего территории с учетом деятельности людей. Географическая мысль в своих попытках познать объект географии — место (страну, территорию) пульсирует между тремя парами полюсов указанных дихотомий (“образ” — “логическая схема”, “уникальное” — “общее”, “деятельность” — “пространство”). Очевидно, что для плодотворного развития напряжение между полюсами должно иметь определенный уровень, т. е. в рамках географии должны развиваться исследования, ориентированные на все полюса» (Голд, 1990, с. 6).

С. В. Федулов также указывает, что «в советской географии работы и компоненты научного географического мышления, тяготеющие к нетрадиционным направлениям (триада “образ” — “уникальное” — “деятельность”), развиты очень слабо» (Там же, с. 7). Но вклад советских и российских ученых мы обсудим в следующем параграфе.

География изначально имела большое количество пересечений с психологией взаимодействия с окружающей средой. В соответствии со смещением интереса географии к географии человека (*human geography*) еще в 1940-х годах прозвучали предложения о потребности в изучении психологических компонентов, связанных с географическими исследованиями. В частности, американский географ Гилберт Райт (Gilbert Wright) (опубликовавший около 500 трудов между 1908 и 1961 гг.) предложил термин «геософия» (*geosophia*) как новую область исследования в географии. Этим термином он обозначал исследование представлений, которые люди имеют о географической среде; он называет эти «*terrae incognitae*» — «мирами, находящимися в умах людей». В 1947 г. Г. Райт, уже известный географ, выдвинул идею исследований «воспринимаемого» мира, которые дополняют исследования «реального» мира, традиционно изучаемого географами (Wright, 1947). В том же году, будучи президентом Ассоциации американских географов, он подтвердил, что са-

мые очаровательные *terrae incognitae* — это те, которые лгут в мыслях и сердцах людей.

Идеи Г. Райта созвучны работам первых культуральных географов (*cultural geographers*) школы Беркли в Калифорнии, которая появилась в первой половине XX столетия. Карл Зауер (Carl Sauer) — крупнейший ученый и основатель школы, указывал на необходимость исследований морфологии ландшафта (*morphology of the landscape*) (по Bonnes, Secchiaroli, 1995). Основное внимание уделялось исследованию взаимоотношений «человек–земля» и их отражению в ландшафте. Ландшафт исследовался в двух отношениях: как *природный ландшафт*, когда рассматриваются его природные характеристики, имеющие значение для человека (рельеф, растительность, почвы, полезные ископаемые и другие природные компоненты), и как *культурный ландшафт*, формируемый человеком (см. рис. 1.10). Культура выступает активным агентом, природная среда — средством, а культурный ландшафт — результатом. Под влиянием культуры ландшафт становится хранилищем свидетельств борьбы этой культуры за свое существование с природным окружением. Ландшафт — свидетель приспособления человека к окружающей среде. Таким образом, с течением времени социальные и культуральные характеристики людей, населяющих определенную территорию, начинают нести на себе отпечаток особенностей физического ландшафта. Роль социокультурных факторов, с этой точки зрения, может быть признана центральной в управлении пространственным поведением человека. Все эти представления вполне вписывались в экологическую традицию, однако вклад К. Зауера, указывает Д. Голд (1990), состоит в том, что он первым до конца осознал тот факт, что посредством культуры человек сам формирует окружающую его среду.

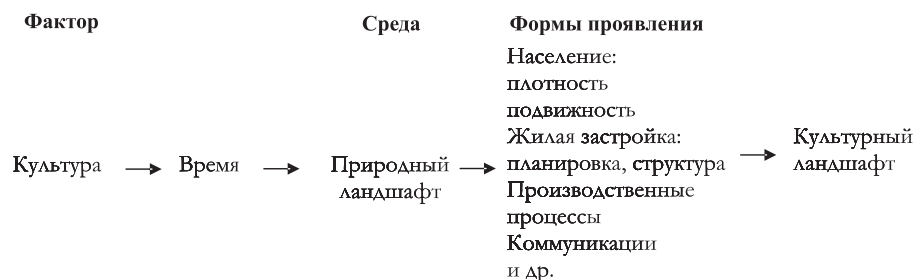

Рис. 1.10. Схема морфологии культурного ландшафта (Голд, 1990, с. 60)

В 1950-х годах историк-географ Р. Кирк (R. Kirk) (по Голд, 1990) предложил одну из первых моделей поведения, основанных на взаимосвязи человека и природной среды. Его интересовало, каким образом общества, существовавшие в различных природных условиях в разные времена, интерпретировали свое окружение и реагировали на него. Он полагал, что поступки людей зависят от особенностей восприятия ими своего окружения. Взгляд на мир при этом может серьезно искажать реальность, в значительной степени завися от ценностей, преобладающих в рамках той или иной культуры.

Используя свою модель, Р. Кирк попытался ввести в контекст географических исследований положения гештальт-психологии. В таком контексте им проводится

четкое различие между объективно существующей и поведенческой средами. Объективно существующая среда — это природная среда вместе с произведенными в ней человеком изменениями. Поведенческая среда представляет собой «психофизическое поле, в котором феноменальные факты организуются в особые образы, или структуры (гештальты), и получают ту или иную ценность в зависимости от культурного контекста» (цит. по: Голд, 1990, с. 61). Р. Кирк не обсуждает, каким путем формируется поведенческая среда, однако полагает, что это можно объяснить, исходя из общих положений гештальт-теории. Существенное различие между его пониманием поведенческой среды и тем, что принято в гештальт-психологии, заключается в том, что Кирк считает однажды сформированную поведенческую среду основой *рационального* поведения людей. Другими словами, он комбинирует две традиции — веру в рациональность принимаемых человеком решений, характерную для географов тех лет, и перцептуальные принципы гештальт-психологии. «Факты» социальной и природной сред становятся частью поведенческой среды только тогда, когда они проникают сквозь высокочувствительные фильтры культурных ценностей. Эти ценности изменяются во времени и пространстве, поэтому вполне можно ожидать, что одна и та же информация будет иметь разное значение для представителей различных культур или даже одного и того же общества в разные периоды времени.

Значение модели Кирка состояло в том, что она внесла в географические исследования понятие «поведенческая среда», однако она содержала и изъяны, прямо проистекавшие из тех двух традиций, которые были в ней сведены воедино. Во-первых, в ней присутствует вера в то, что принятие решений основывается на рациональной оценке ситуации в целом. Во-вторых, для нее характерны ограничения, присущие гештальт-теории в целом, рассмотренные выше (Там же).

Рис. 1.11. Дома на острове посередине реки во время весеннего половодья, Уэльс. Несомненный интерес вызывает вопрос о причине выбора такого места для строительства жилья.

Гилберт Уайт (Gilbert White) (Burton, Kates, White, 1964; Bell et al., 1996, 2001) стал одним из первых исследователей, фокусировавшим свое внимание на восприятии естественных опасностей и рисков. Г. Уайт и его коллеги (Burton, Kates, White, 1964), например, были заинтригованы тенденцией людей селиться в местах с повышенным риском воздействия природных угроз (наводнений, землетрясений, извержений вулканов, схода селей и лавин) или возвращаться на опустошенные этими стихийными бедствиями родные места. На рис. 1.11 можно видеть дома на острове посередине реки в период весеннего половодья. Что заставило людей поселиться в таком месте — один из интереснейших вопросов. В своих работах исследователи (Burton, Kates, White, 1964; Burton, Kates, 1964) обнаружили, что угроза повторения бедствия недооценивалась жителями областей высокого риска. Стратегиями для совладания с неопределенностью естественных опасностей было исключение рисков, отрицание их существования, делегирование ответственности за происходящее высшим силам (Богу или правительству).

Д. Вуд и его коллеги (Wood, 1992) указывали, что, к началу 1960-х годов многие географы, хотя, конечно, не все, признали, что местоположение и передвижение людей не могут быть ни предсказаны, ни объяснены только исходя из одних физических, т. е. географических характеристик. Исследователи полагали, что большую часть того, что мы принимаем сегодня за географию, основанную на физической, экономической или политической географии, вероятно, придется изменить на географию воображения (*image geography*).

С точки зрения Дэвида Кантера (David Canter) (1977) одной из причин развивающегося интереса географов к психологии места (*psychology of place*) был растущий интерес к планированию и дизайну окружающей среды. У географов появилась возможность по-иному взглянуть на социальные проблемы и особенности восприятия территории людьми.

В США в 1960–1970-х годах на страницах журнала «Пейзаж» («Landscape») развернулось обсуждение точек зрения представителей различных дисциплин относительно темы восприятия и оценки окружающей среды (Bonnes, Secchiarioli, 1995). В своих статьях Джеймс Джексон (James B. Jackson) и Гари Мур (G. Moore) стали пропагандировать разработки, сделанные в рамках различных дисциплин и таких исследователей, как А. Раппопорт (A. Rapoport), Д. Стэа (D. Stea) и Й. Тюан (Y. F. Tuan), имевших феноменологическую ориентацию, которые впоследствии стали представительными фигурами психологии взаимодействия с окружающей средой (Ibid.). Й. Тюан стал известным благодаря своей концепции «топофилии» (*topophilia*).

Значительное распространение в западной географии получила **феноменология** — «область философского анализа, касающаяся рефлексивного осознания человеком своих действий и их содержания, выявления предельных характеристик...» (Бочкарева, 1988, с. 156). В географии главным объектом феноменологического анализа стали географические аспекты жизни, вернее, «географический мир жизни» (*geographical life-world*), т. е. совокупности естественных смысловых интерпретаций, впечатлений, оценок, имеющих отношение к среде, пространству, месту и ландшафту. В качестве основных аспектов рассмотрения были избраны взаимоотношения индивида со средой и взаимоотношения между субъектами в пространственном контексте. При этом была введена новая концепция среды, в которую оказались включены

ны помимо окружающих человека объектов экономические, социальные, политические, культурные, психологические и другие среды. Т. В. Бочкарева (1988) указывает, что феноменологический подход позволил выделить еще два аспекта отношений между человеком и средой: «интравертность» и «экстравертность». «Анализ этих отношений направлен на выявление видов и пределов человеческой интенциональности в неразрывном рассмотрении личности и мира, реального бытия (*being-in-the-world*)» (Там же, с. 157). На этом основании была выдвинута концепция «смысла места» (*sense of place*), отражающая слияние личности и мира. Е. Рэлф (E. Relph) предлагал использовать свою концепцию в ландшафтном проектировании как средство формирования «смысла места». Имеются и другие трактовки «смысла места». С точки зрения Дэтел (Datel) и Дингеманс (Dingemans) (Там же) это совокупность значений, символов и качеств, которые индивидуум или группа сознательно или бессознательно связывают с определенным местом.

Наибольшее распространение феноменологический подход получил в поведенческой географии, которая позволяла анализировать такие феномены, как «смысл места», индивидуальность района. Человек при феноменологическом подходе рассматривался как иррациональное существо, не оптимизирующее выбор места. Феноменологическое поведение личности в среде и отношения личности и среды оценивались в зависимости от человеческого опыта использования и осознания среды. Феноменологический подход способствовал распространению в географии анализа восприятия среды, который мог применяться с разными целями (выявление пространственных особенностей, проектирование среды после стихийных бедствий и пр.).

Становление поведенческой географии восходит к концу 1960-х годов, когда появились идеи о том, что географические знания находятся на пороге «поведенческой революции», которая должна коренным образом изменить традиционную субъект-объектную точку зрения на взаимоотношения человека и окружающей среды. Эта идея о революционном изменении поведения по существу взята из работ философа Куна (Kuhn; по Голду, 1990), и именно на нее опирались многие авторы при описании воздействия количественных методов и работ по методологии науки на географию.

Поведенческая география возникла с появлением в географии бихевиоризма, представителей которого интересовали способы адаптации людей к физической и социальной среде, а также факторы, влияющие на взаимосвязи их мыслей и поступков. Голд (1990, с. 28) указывает, что «термин «поведенческая (бихевиористская) география» можно рассматривать как крайне обобщенное обозначение той ветви географии, в которой при изучении взаимоотношений человека и окружающей его среды применяется бихевиористский подход, а объяснение пространственных аспектов поведения рассматривается в первую очередь через анализ когнитивных процессов, лежащих в основе поведения. Автор считает, что подход, обычно используемый специалистами по поведенческой географии, имеет четыре характерные особенности (Там же):

1. Утверждается, что сами представления человека о внешних факторах его поведения, с учетом которых он совершает те или иные поступки, могут значительно отличаться от реальных внешних обстоятельств той самой среды, в которой разворачивается деятельность человека. Можно даже сказать, что пространство имеет

двойственный характер: «объективной среды», или мира действительности, которую можно непосредственно измерить при помощи тех или иных средств, и «поведенческой среды», или мира сознания, поддающегося изучению лишь косвенным путем. Сколь бы неполной или выборочной ни была поведенческая среда, именно она, как и следует из ее названия, служит основой для принятия решений и совершения тех или иных поступков.

2. Специалисты по поведенческой географии утверждают, что при исследованиях необходимо отчетливо осознавать тот факт, что каждый индивид формирует свою особую социальную и физическую среду и именно на нее реагирует. На протяжении многих лет при географическом анализе рассматривались, главным образом, пути, посредством которых физическая среда влияет на человека. Очевидно, однако, что это лишь часть проблемы. Понятие «среда» нуждается в расширении, поскольку в него должна быть включена и социальная среда, в которой обитает индивид. Возможно, еще более значима необходимость осознания, что действия любого человека сами могут влиять на среду, сколь бы незначительным или нечаянным ни было бы это влияние. В свою очередь, возникающие при этом изменения среды могут создавать обстоятельства, требующие нового набора ответных поступков либо непосредственно от субъекта воздействия, либо от других людей. Таким образом, тот или иной поступок часто не является конечным результатом цепи событий, но служит причиной новых.

3. Поведенческая география в основном фокусирует свое внимание на индивиде, не стремясь к изучению проблем на уровне социальной группы. При неоспоримых выгодах для географического объяснения подобной стратегии необходимо помнить о существующей в таком случае опасности «психологизма», т. е. заблуждения, суть которого состоит в том, что социальные явления объясняются только при помощи фактов и теорий, относящихся к характеристикам сознания индивидов. Угроза чрезмерной психологизации поведенческой географии, безусловно, существует. Опасность этого, однако, снимается точной оценкой влияния, оказываемого на представления и поведение человека социокультурными факторами. Любой анализ, игнорирующий эти факторы, будет столь же неполон, как и тот, при котором рассматриваются лишь межгрупповые взаимодействия и динамика групп, а изучением индивидуальных представлений и индивидуального поведения пренебрегают. Поведенческая география — не единственный из существующих в географии подходов, ориентированных на изучение процессов (мышления) при рассмотрении отношений человека и среды. Она должна скорее дополнять подходы, принятые, скажем, в социальной, политической или культурной географии. Признание того факта, что поведенческая география наряду с достижениями имеет и недостатки, а также того, что наступят времена, когда ее специфические концепции и методы, ее точка зрения будут более применимы, чем теперь, не может считаться признаком ее слабости.

4. Ясно различима такая особенность поведенческой географии, как ее междисциплинарный характер. Будучи сравнительно новым ответвлением бихевиоризма, поведенческая география обращается к другим дисциплинам преимущественно для получения первоначального понимания процессов поведения (даже сейчас, когда налицо признаки взаимных междисциплинарных обменов). Согласно своему названию, она много внимания уделяет усвоению уроков, которыми изобилует литература

по психологии и дисциплинам, изучающим поведение. Однако важные идеи черпаются ею и из таких наук, как социология, антропология, планирование, архитектура и этология, каждая из которых пережила время сильного влияния бихевиоризма.

Психогеография. Нельзя не сказать и о существовании науки, называющей себя (*psychogeography*), которая по-разному описывается исследователями Европы и Америки.

В Европе появление психогеографии связывается с исследованиями Гая Деборда (Guy Debord) в Париже в 1950-х годах. М. Коверли (Coverley, 2006) пишет, что под руководством Деборда данное направление превратилось в попытку преобразования городской жизни сначала в эстетических, а затем в политических целях. Определение, предложенное Дебордом (Ibid., p. 10) указывает на то, что психогеография изучает сознательное или бессознательное влияние, оказываемое географической окружающей средой на эмоции и поведение людей. То есть подчеркивается, что психогеография — это точка пересечения психологии и географии для исследования способа поведения человека в городском пространстве.

Несмотря на попытки Деборда удержать дисциплину в контексте ранних исследований городской среды, направление очень быстро вышло за эти рамки. Термин стал так широко распространен, что утратил большую часть своего подлинного значения. Именно поэтому М. Коверли (Ibid.) обращает внимание на то, что в настоящее время трудно дать определение современной психогеографии: сегодня данное направление представляет собой смешение идей, событий и понятий, недостаточно связанных друг с другом.

Как область исследования в Америке психогеография была выделена в 1950-х годах Уильямом Нидерландом (William G. Niederland), предпринявшим ряд исследований, касающихся происхождения символики рек. Далее последовали его работы о значении Калифорнии, названии Америки и древних картах периода Средневековья и эпохи Возрождения. Поскольку У. Нидерланд изучал древние карты мира и их латинские описания, изначальная идея психогеографии состояла в том, что за странными графическими конфигурациями на древних мировых картах стоят символы, имеющие телесный и физический контекст⁵. У. Нидерланд начинал видеть в них «чистые антропоморфные коннотации и проекции» (Maps from the mind, 1989, p. XXIX).

Карты часто обозначают определенный регион в антропоморфных терминах. Джозеф Бэнстайн (Joseph W. Bastien) (Ibid., p. XVII) описывает пространственное восприятие горы Аймара в боливийских Андах местными жителями этого региона. Местные озера, реки и горы изображаются как анатомические области — волосы, лоб, левый и правый глаза, рот, грудь, живот, сердце и кишки, левая и правая рука, левая и правая нога. На карте одного из районов Франции 1659 г., представленной У. Нидерландом (Ibid.), можно проследить женские анатомические органы. Автор указывает, что анатомические и сексуальные значения — отнюдь не предположение: о них заявляется прямо. Упомянутая карта Франции на самом деле содержит и географическое, и «интимное» наполнение. Подобные аллегории на картах были

⁵ Автором была проделана большая работа по поиску карт, содержащих антропоморфное значение. Особую признательность за содействие в поиске выражаю Алану Ингхэму. Примеры карт представлены на рис. 1.12–1.15. Карты печатаются с любезного разрешения администрации библиотеки Бодлеан (Bodleian Library) Оксфордского университета, Англия.

обычными всюду в Европе в XVII–XVIII столетиях и с точки зрения У. Нидерланд ясно передавали антропоморфное восприятие мира.

Самыми важными предшест венниками работ У. Нидерланд стали клинические (психоаналитические) труды Шандора Ференци, Зигмунда Фрейда и Мелани Кляйн. Последняя указывает, что дети также могут наносить на карту свое подсознательное восприятие мира, чувства к нему. В *«Повествовании о детском анализе»* (*«Narrative of a Child Analysis»*) исследовательница описывает терапевтическую работу с десятилетним английским мальчиком по имени Ричард; в течение четырех месяцев ею было проведено девяносто три сессии (Кляйн и др., 2001). Ричард часто использовал карты на стене игровой комнаты, чтобы изобразить обусловленные Второй мировой войной фантазии, тревоги и защиты. В виде историй на картах Ричарда отразилось множество его проекций. Столкновения между Землей и Солнцем; отношения между большими (Германия) и небольшими странами (Швейцария, Португалия, Латвия), и между военными противниками (Германия и Великобритания); фантазии о британских кораблях, пойманных в ловушку в Средиземном море и Суэцком канале немецкими военными кораблями; опасения за благосостояние Австрии (страна М. Кляйн) — все они символизировали переживания Ричарда: ревность, агрессивность, эдипальные переживания, кастрационный комплекс, нападение в воображении на собственную мать, фантазии об интимных отношениях родителей и многое другое.

Географические карты различных времен действительно отражали подсознание людей, однако и формировали его. Территория, наполненная эмоциональными историческими, личностными, сексуальными, сакральными значениями, сама могла влиять на восприятие и поведение человека. Психогеография исследует способность человека создавать карты и судить о мире на основе бессознательного материала и объясняет, как внутренние представления начинают переживаться на внешнем уровне и управлять действиями людей. Таким образом, не реальное географическое пространство лежит в основе представлений о географическом мире, но внутреннее, субъективное, обусловленное культуральным и индивидуальным опытом.

Мужчины и женщины древних времен были одновременно очарованы и напуганы морями, в которых живут русалки и монстры, создания подсознательного. Фантазии о райских мирах всегда заставляли людей рисковать в надежде на прекрасное будущее. Издревле представление о морских чудовищах и богах, выдувающих ветры, взбалтывающих моря и насылающих смерть на чужаков, останавливало от осуществления своих мечтаний многих исследователей. Родная страна представлялась матерью, чаще — доброй, всепрощающей, защищающей и готовой взять своих детей в объятия, но иногда и гневной, наказывающей и даже уничтожающей.

Образ Родины действительно часто символизирует мать. Израиль долгое время был для евреев материнской «Обетованной Землей» (Promised Land) и прекрасной «Землей с молочными реками и кисельными берегами» (Land of Flowing Milk and Honey). Американская статуя свободы в Нью-Йорке представляет символ страны и является подарком обильной, материнской Франции, которая помогала Американской революции противостоять Англии (Maps from The Mind, 1989, p. XXV). Во время Великой Отечественной войны советские люди защищали не просто страну, а Родину-мать.

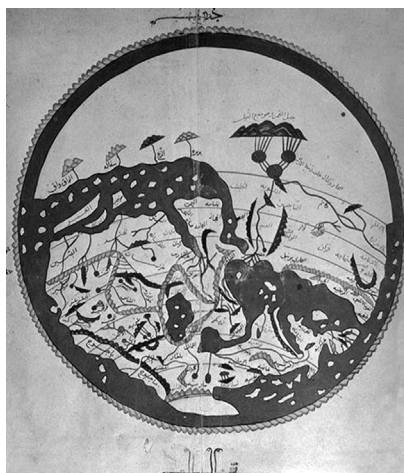

Рис. 1.12. Карта мира Аль-Идризид (Al-Idrisi), (1154 г.). Изображение мира напоминает череп человека. Интересно, что с точки зрения автора Африка находилась наверху.

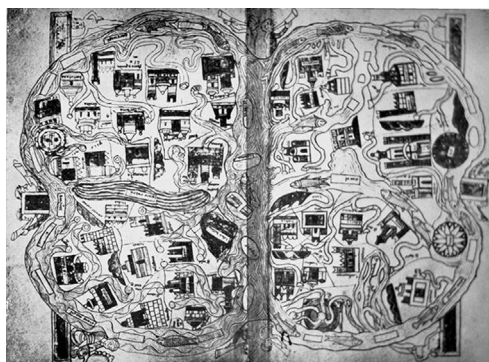

Рис. 1.13. Карта мира Беатуса (Beatus) (1250 г.). Изображение демонстрирует сходство с внутренними органами — легкими или почками.

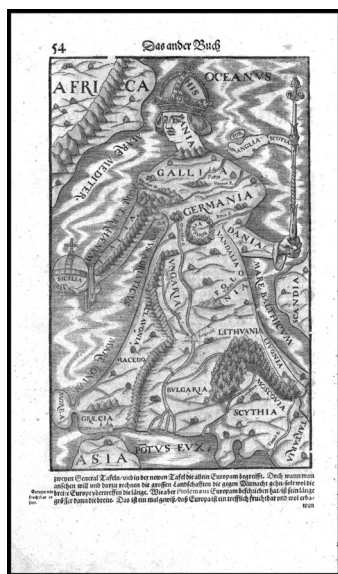

Рис. 1.14. Карта «Европа как королева» (Europe as a Queen), созданная в 1570 г. в Базеле (Швейцария) картографом Себастьяном Манстером (Sebastian Munster). Соответствие между частями тела и нациями, возможно, связано с иерархией европейских государств.

Рис. 1.15. На ранней карте Европы Описинуса де Канистриса (Opicinus de Canistris) (1290–1300) географическое пространство представлено в виде людей.

В статье «Образ мира до эпохи Возрождения и открытие Америки» У. Нидерланд (Ibid., p. 144) пишет, что социальные, экономические и политические кризисы в своей родной стране, расстройств, гнев, чувство лишения, жалобы на плохую долю — все это могло быть причиной того, что люди сознательно, но чаще всего бессознательно создавали в своем воображении образ земли, изобилующей счастьем, — как любящей, защищающей и всепрощающей матери.

Объясняя символическое значение географических особенностей Земли и бессознательных конфликтов, У. Нидерланд описывает миф, связанный с Америкой и с Калифорнией, имеющий в том числе географические корни. Чрезвычайно распространенный вплоть до нашего времени — это миф об Америке (и Калифорнии) как райском острове, полном вечного счастья. Исследователь считает, что он проистекает из наивной, но очень сильной инфантильной фантазии об утопической жизни без боли, ограничений или любых расстройств, где «вечное младенчество на счастливых землях ... где могут быть удовлетворены оральные регрессивные желания и невозможно существование самой смерти...». Этот миф заставлял людей искать счастья именно в этой стране. Интересно, что он сохраняется до сих пор. В действительности, как указывает У. Нидерланд (Ibid., p. 145), название Америки — ошибочное, это измененное немецким картографом имя Америго Веспуччи (Amerigo Vespucci). Но в подобном измененном названии прослеживается аллюзия к материнским фонетическим ассоциациям («Ам», «Мер», обозначающим «маму» и «мать»). Таким образом, много эмигрантов, направлявшихся в Америку, имели представления о ней как о большой хорошей матери, берущей в свои объятия. Примечательно и то, что все шесть континентов, так же, как большинство стран, имеют женские имена.

Ю. В. Пономаренко (1998, с. 73) обращает внимание на то, что в основе понятия «американская мечта» лежит вера в то, что честным и упорным трудом человек может достичь процветания. Именно из-за распространенного в США мнения, что в этой свободной стране любой человек, невзирая на место своего рождения, происхождения и социальный статус, может подняться из низов и реализовать свои скрытые возможности, американский континент сохраняет свою привлекательность для людей всего мира. То, насколько эта вера соответствует реальности, имеет второстепенное значение. Главное, что люди верят, что их мечты осуществимы, а потому они не боятся рисковать и прилагать усилия к их реализации. Хотя представление об Америке как о земле обетованной сохранилось до сих пор, интересно отметить, указывает автор, что иммигранты в первом и втором поколении более склонны верить в «мечту», нежели коренные жители, потомки приплывших на корабле «Мэйфлауер». Это не удивительно, ведь эмигрантам пришлось покинуть Родину, близких, друзей, чтобы приехать в незнакомую страну вдохновленными одной лишь надеждой, что их дети смогут увидеть лучшее будущее. «Американская мечта» подразумевает, подчеркивает автор, что предопределения не существует и что человек сам ответствен за свою жизнь.

Географические регионы действительно очень часто воплощают в себе стереотипы, созданные на основе наиболее ярких характеристик данного пространства. Так, например, и в США, и за их пределами штат Техас вызывает ассоциации величия, бравады и хвастовства. Калифорния в последние десятилетия связана с сексуальной революцией и политическим радикализмом «левых» (например, Беркли как «рас-

садник» радикальных идей, а Калифорния — как место возникновения движения Черной Пантеры).

Калифорния, родина Голливуда и американской киноиндустрии, не только была главным новатором и законодателем культурных традиций страны, но и пыталась диктовать свои вкусы миру в целом. В середине XIX в. Калифорния была охвачена золотой лихорадкой и воплотила мечту «горшка золота в конце радуги». Великие равнины, с их зерном и пшеницей и хорошо развитым скотоводством, представлялись большинству людей «сердцем Земли» (*Heartland*), «Страной Богов», — и с нравственной, и с политической и с географической точек зрения.

Такой образ поддерживала и мифология о частях света. Издревле бытовало мнение о «диком» Западе, в то время как Восток считался «укрощенным» и «прирученным». Восток (*lux* (свет) и мистика) противопоставляется Западу (*lex* (закон) и рациональность), а Северное полушарие (интеллектуальность, главенство) — Южному полушарию (тело, сексуальность, агрессивность и импульсивность). Американский штат Оклахома часто ассоциируется с образом «пыльной миски» (*Dust Bowl*), возникшим в 1930-х годах, что связано с пустынной засухой, приходящей на смену обильной влажности, вследствие чего люди переживали периоды лишений и роскоши. Именно такая смена фаз характеризует состояние доминирующих отраслей промышленности региона: сельского хозяйства и нефтяной индустрии. Этот цикл «бума с последующей депрессией» (*boom and bust*), несомненно, отражает как климатические, так и эмоциональные и политические особенности региона.

Образ «пыльной миски», который возник в период Великой депрессии, вошел в общественное сознание благодаря роману Джона Стейнбека (John Steinbeck) «Гроздь гнева» («*Grapes of Wrath*») и захватывающим работам фотографа Артура Ротштайна (Arthur Rothstein). Он стал непреходящим образом, создаваемым самими жителями Оклахомы и поддерживаемым всей страной. «Пыльная миска» стала неизменной чертой идентичности штата Оклахома, выжить в котором считается намного сложнее, чем где-либо еще. «Проклятый» образ «пыльной миски», таким образом, стал ведущим в образе «Я» жителей данного штата, что отличает их от жителей других штатов.

Сегодня космические корабли, бороздящие просторы Вселенной, привозят научные данные об отдаленных уголках Солнечной системы, однако до сих пор наше представление о мире и о Вселенной остается сильно окрашенным мифологией. Между психологией и географией действительно существуют теснейшие связи. Психогеография исследует то, как человек воспринимает географическое пространство, какими символическими значениями его наделяет и как этот, часто бессознательный, материал влияет на его поведение.

Возможно, психологу, читающему этот тип литературы, очень трудно поверить, что она относится к географии, а не к психологии, даже если используются специфические методы исследований. В качестве примера соединения психологии и географии можно сослаться на работы по изучению когнитивных карт. Например, Флоренс Ладд (Florence Ladd, 1970) проводила исследование представлений чернокожей молодежи об окружающей среде и просила респондентов, чернокожих мальчиков, нарисовать карты своего места жительства. Далее она сравнивала рисунки подростков, живущих недалеко друг от друга, на одной стороне улицы. В результате выявились существенные различия. Так, например, одна и та же улица для одних

была центральной, для других же превращалась в окрестность. Эти «карты» — интересные индикаторы того, как мальчики интерпретировали свое место жительства. Другими словами, на них были обозначены различные границы места жительства внутри их ментальной (когнитивной) географии и существенные особенности ландшафта внутри этих границ.

М. Боннес и Г. Секчиароли (Bonnes, Secchiaroli, 1995) указывают, что анализ рассмотренных проблем и используемой методологии находится в непосредственной близости от области психологии взаимодействия с окружающей средой. Необходимо, однако, отметить, что географы, заинтересованные психологическими явлениями, иногда недостаточно компетентны при проведении научных исследований, что часто принуждает их проявлять изобретательность и чрезмерно упрощать задачу в психологическом плане. Д. Голд (1990) замечает, что проблемы, которые рассматривают поведенческие географы, выходят за пределы их академической специализации, что принуждает их искать объяснение поведенческим процессам в литературе, относящейся к социальным и поведенческим дисциплинам.

Тем не менее взаимопроникновение дисциплин уже состоялось. Теперь часто можно найти ссылки на географические источники в публикациях психологов, работающих в области взаимодействия с окружающей средой, а также социологов. И эта тенденция, вероятно, будет усиливаться.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ И ЭКОПСИХОЛОГИИ

Школа экологических философов обращает внимание на тему гармонии между человеком и биосферой, предлагая, таким образом, определенную психологическую дисциплину, вошедшую в философскую и психологическую литературу под общим названием «экопсихология» (*ecopsychology*). Сущность таких теоретических подходов, развившихся из философских концепций, ставит особый акцент на состоянии и качестве окружающей среды, принятии человеком ответственности за ее изменение, сохранение, охрану и помощь естественной окружающей среде. Сторонники экопсихологии выступают против разрушающего поведения человека, за смену его на конструктивное и берегающее. Рассмотрим кратко некоторые подходы данного направления.

Исторически психология и философия действительно оказались неразрывно связаны друг с другом в процессе своего становления и развития. Одной из первых, а может быть, и самой первой теорией, вскрывающей взаимоотношения между природой и человеком, подчеркивающей значимость проблемы окружающей среды и призывающей обратить на нее внимание, стал **русский антропокосмизм**. Это яркая плеяда ученых — Н. Ф. Федоров (1828–1903), К. Э. Циолковский (1857–1935), А. Л. Чижевский (1897–1964), В. И. Вернадский (1863–1945), предлагающий концепцию ноосферного развития, а также создатель теории этногенеза Л. Н. Гумилев (1912–1992). Ю. Н. Пахомов отмечает, что отличительной особенностью космизма «является попытка увязать и решить в единстве три темы, три проблемы. Это космическая тема (на наш взгляд, философский базис концепций космистов), глобально-экологическая тема (проблемы взаимодействия с окружающей средой и сохранения

жизни на Земле) и социально-этическая тема. Третья тема фактически охватывает первые две, отражая введение в жизнь проблем как мировоззренческого, так и экологического характера. Это объединение трех серьезнейших проблем человеческого бытия выражает целостность мировосприятия русских антропокосмистов: «связь космических и земных процессов с человеческим сознанием» (2002, с. 9).

Тейяр де Шарден (1881–1955), французский философ, ученый (геолог, палеонтолог, археолог, антрополог) и католический теолог, высказывал идею о том, что ноосфера представляет собой «мыслящий пласт», т. е. своеобразный информационный слой над поверхностью нашей планеты, который существует наряду с геосферой и биосферой и содержит все ценное, активное и прогрессивное, необходимое для достижения человеческим разумом высшей стадии эволюции (Т. де Шарден, 2001).

В 1896 г. русский ученый С. Н. Виноградский сформулировал положение о Земле, работающей как большой организм (Петров, 2004). В 70-х годах XX в. английским ученым Дж. Лавлоком была выдвинута **концепция Геи** (Гея — имя греческой богини Земли). Такое название было предложено не случайно, оно имеет глубокий философский смысл, выходящий за рамки чистой науки. Согласно идее Лавлока, планета ведет себя как одушевленный организм, суперорганизм, который обладает свойствами, напоминающими физиологию живого организма. Отношение человека к Гее, этому далеко не познанному феномену, должно наполняться философским, этическим и, возможно, даже религиозным смыслом, которые вносят мудрость в отношения человека и природы (Там же).

Предмет размышлений немецкого философа В. Хёсле (1994) — духовно-исторические основания нынешнего экологического кризиса, преодоление которого, по его мнению, представляет собой важнейшую задачу современной политики. С особенной полнотой В. Хёсле исследует этические и политические последствия экологического кризиса.

Разработка теории **экологического гуманизма** (*Ecological humanism*) принадлежит философу Хенрику Сколимовски (Henryk Skolimowski). В 1964–1990 гг. он читал лекции по философии в Соединенных Штатах Америки, а затем в Польше. Ее стержень составляет почтение к жизни и окружающей среде в целом. Земля, с его точки зрения, является святой и освященной, а мы — ее хранители. В своих книгах он критикует сегодняшнюю цивилизацию, материализм и то, как мы обращаемся с природой. В то же самое время он воспекает мир, который в действительности красив, полон божественной милости и достоин того, чтобы за него бороться. Он полагает, что люди ответственны за окружающую среду и в состоянии жить в гармонии с природой (Environmental Science, 2003, p. 643).

Среди философских течений также часто упоминают **экофеминизм** (Ecofeminism). Термин «экофеминизм» впервые был использован в 1974 г. Франсуазой Д'Обонн (Françoise D'Eaubonne), которая призывала женщин совершить экологическую революцию, чтобы спасти планету (Mc Kenzie, 2002). С тех пор экофеминизм стал большим и разнообразным движением (либеральным, культурным, социальным и социалистическим феминизмом), охватывающим широкий диапазон перспектив внутри феминизма и экологических движений. В основе данного направления лежит представление о существовании связи между женщиной (ее репродуктивной функцией, менструальным циклом, способностью давать жизнь и т. д.) и природой (лунными циклами и природными ритмами), что органически помещает женщин

ближе к миру природы. Представители экофеминизма утверждают, что притеснение женщин и естественного мира — это притеснение близнецов, которые должны рассматриваться только в целостности (Ecotherapy, 1996; Environmental Science, 2003).

Традиционно женщины ответственны за воспитание детей, обустройство домашнего быта, приготовление пищи, обеспечение одеждой членов семей и т. д. Роль женщины в семье — это роль хранительницы домашнего очага, поэтому она должна быть особенно обеспокоена загрязнением воды, пищи и воздуха, отражающемся на здоровье ее семьи.

Массовые сопротивления женщин широко известны во всем мире. Д. Винтер и С. Когер (Winter, Koger, 2004) приводят примеры, когда в Индии женщины обнимали деревья, чтобы предотвратить вырубку леса. Жительница Кении Вангари Маатаи (Wangari Maathai), получившая в 2004 г. Нобелевскую премию Мира, в 1977 г. организовала движение «Зеленый пояс» (Green Belt Movement), которое распространилось из Кении по всей Африке. Целью движения была охрана и посадка деревьев для сохранения местного биоразнообразия. В Японии женщины настояли, чтобы продукция с опасными химикатами имела точную маркировку. В Нью-Йорке Льюис Гиббс (Lois Gibbs) (которая часто упоминается как «истеричная домохозяйка») добилась организации комиссии по проверке опасных отходов, завершившей усилия вскрыть причину появления свалки «Канал любви» (Love Canal), пользовавшейся дурной славой. Эти экологические движения в средствах массовой информации тем не менее характеризовались как стихийные и истерические (Ibid.).

Экофеминизм утверждает, что патриархат угнетает как женщин, так и природу, поскольку он продвигает мировоззрение, основанное на доминировании, иерархии, подчинении, власти. Таким образом, некоторые теории рассматривают экофеминизм как новый вид экологической этики, другие же верят, что он, скорее всего, представляет собой новое течение в рамках феминизма. Глубокий анализ теории экофеминизма и экологии сознания представлен в статье Н. Г. Митиной (Гуманитарные... , 2009, с. 9).

В 1980-е годы в США и по всему миру активно развивается ряд направлений под общим названием **экопсихология** (ecopsychology). Теодор Розак (Theodore Roszak) (Ecopsychology, 1995) указывает, что экопсихология — это общее название работ, содержащих в себе синтез психологии (включающей психотерапию и психиатрию) и экологии. Авторы этих трудов, часто не профессиональные психологи, обращаются к философии за объяснением существующих в мире проблем, пытаясь найти ответы на вопросы о способах их решения. В рамках этого течения возникло несколько терминов: глубинная экология (*deep ecology*), психоэкология (*psychoecology*), экотерапия (*ecotherapy*), глобальная терапия (*global therapy*), зеленая терапия (*green therapy*), терапия, центрированная на Земле (*Earth-centered therapy*), психотерапия, основанная на природе (*nature-based psychotherapy*), шаманское консультирование (*shamanic counseling*) и много других. Такие неологизмы могут показаться странными, однако автор утверждает, что в свое время термин «психоанализ» тоже звучал странно.

В 1973 г. норвежский философ Арни Наесс (Arne Naess) (Naess, 1988; Naess, Rothenberg, 1989) сформулировал философскую *концепцию глубинной экологии*

(*deep ecology*). Он пишет о том, что современная экология не объясняет глубинных связей в природе и в сущности «мелка». Она фокусируется на вопросах, связанных с человеческими ценностями, жизни в гармонии с природой, снижении материальных потребностей, использовании технологий, не наносящих вред окружающей среде, а также на защите дикой природы и обучении этому детей. Как указывает Арни Наесс, если мы расширяем и углубляем смысл собственного «Я», потоки Земли проходят через нас, и мы естественно, легко и непринужденно заботимся о Земле (Naess, 1988). Основная идея автора состоит в том, что все биологические виды на Земле имеют равную ценность. Причем той же ценностью, что и живые существа, обладают и неживые объекты — например, горы, скалы, реки и т.д. Основная цель человека — идентификация с миром, избавление от понятий «объект» и «субъект». Только так человек может сохранить Природу, что означает сохранить себя. Другое название этого направления — экософия.

Рис. 1.16. Согласно экопсихологии, человек — часть природы. Живые существа и неживые объекты — горы, скалы, реки и т.д. — все они имеют равную ценность.

Трансперсональная экология (*transpersonal ecology*) основана экофилософом Варвиком Фоксом (Warwich Fox) (Fox, 1990). В своей книге «На пути к трансперсональной экологии» («Toward a transpersonal Ecology», 1990) он рассматривает глубинную экологию и трансперсональную психологию и предлагает изучать экологическую самость вне человеческой идентичности. Как и Арни Наесс, Варвик Фокс полагает, что решение наших экологических проблем потребует смены самоощущения человека, смены антропоцентрической позиции на эгоцентрическую. Трансперсональная психология занимается исследованием сущности самости. Но В. Фокс отделяет трансперсональную экологию от трансперсональной психологии. Он критикует трансперсональных психологов за то, что они описывают лишь движение самости, но не уделяют должного внимания ее взаимосвязям с другими формами жизни.

Экопсихологией (Ecopsychology) называет свое направление и культуральный историк Теодор Розак (Theodore Roszak) (Roszak, 1993; Ecopsychology, 1995; Ecotheгару, 1996). Для него экологическое бессознательное близко к концепции коллективного бессознательного Юнга, но более сфокусировано на физическом окружении и на эволюционной истории, чем на общих символах внутри культуры. В своей книге «Голос Земли» («The Voice of the Earth»), Т.Розак пишет: «Содержание экологического бессознательного представляет живую запись космической эволюции» (Roszak, 1993, p. 10). Он подчеркивает, что ранние воспоминания нашего бессознательного дают нам прирожденное чувство взаимности с окружающей средой: «Если Земле больно — нам больно тоже» (Ibid.). Чтобы вылечить

Рис. 1.17. Т. Розак считал, что для того, чтобы вылечить себя посредством «голоса Земли», нам нужна экопсихология, центральным элементом которой является терапия, возвращающая детскую очарованность миром, глубинное чувство ответственности за планету и других людей.

себя посредством «голоса Земли», нам нужна экопсихология, центральным элементом которой является терапия, которая раскрывает детское чувство очарованности миром, наше глубинное чувство этической ответственности за планету и других людей.

Несмотря на то, что экопсихология изначально была создана как неклассическая психологическая дисциплина, она сумела привлечь к себе ряд профессионалов, для которых оказалась интересной прежде всего тем, что имеет отношение к основам человеческой природы и поведению. Экопсихология исходит из предположения, что на своем глубинном уровне — психе (душа) — остается тесно связанной с Землей. Эта связь иногда не осознается, но в действительности существует. Поэтому экопсихология как прикладная дисциплина должна сделать очевидной для людей эту связь, раскрывая их природные корни.

Методы в экообразовании и экотерапии

Несомненным вкладом экопсихологии является создание ряда психотерапевтических методик для восстановления связи с миром, преодоления отчуждения от природы. Они описываются как методы в экообразовании и экотерапии (*ecoeducation and ecotherapy*). Данное направление привлекло на свою сторону практических психологов и психотерапевтов, выбравших именно этот способ работы с клиентами. Так, Сара А. Конн (Sarah A. Conn), практикующий психолог, обращает внимание на важность вопросов, используемых в индивидуальном психотерапевтическом процессе. «Мы можем начать задавать самим себе, своим клиентам, друзьям и соседям вопросы о наших отношениях с большим миром, включая мир природы» (Ecopyschology, 1995, p. 166). В модели, которую использует Сара А. Конн в процессе работы, предлагается задавать вопросы, способствующие перемещению фокуса внимания на отношения клиента с миром природы, что делает его психологически более устойчивым, расширяет его сознание. «Кроме этого, — пишет Сара А. Конн, — я могу узнать о подробностях отношения своих студентов к миру, включая мир природы» (Ibid., p. 169). Она описывает одно из упражнений, выявляющих взаимосвязи глобальных проблем. Она просит студентов методом мозго-

вого штурма перечислить темы, актуальные для всего мира, назвать их и сказать о них несколько слов. Эти темы она записывает на доске в случайном порядке, а когда доска заполняется, просит выразить их в рисунке и проговорить свои чувства, вызванные списком. Такое упражнение, с ее точки зрения, ведет к интимному разговору о боли Земли. Анализируя список проблем на доске, она спрашивает о том, как с точки зрения студентов они связаны друг с другом. Они говорят, например, что заболеваемость СПИДом в Африке связана с неграмотностью, которая, в свою очередь, связана с нищетой и т.д. Очень скоро доска заполняется связями из стрелок. Далее она просит каждого студента выбрать одну из проблем и отследить связи, которые идут к ней. В результате получается, что практически все или абсолютно все проблемы соединены друг с другом. Сара А. Конн обращает внимание на то, насколько важно найти собственную позицию относительно проблем в мире.

В книге, представляющей основные методы работы в эконпсихологии, описана и работа шамана (Ecopyschology, 1995, p. 180). Лесли Грей (Leslie Grey) — психолог с классическим психологическим образованием, после получения ученой степени по психологии в течение 10 лет училась у индейских шаманов, а после этого — у народных целителей. Имея в своем арсенале весь этот богатый опыт, она создала форму шаманизма, специально подходящую к современным городским условиям, практику, которую она назвала «шаманским консультированием» (*shamanic counseling*). В своей статье она описывает взгляд шамана на мир и представляет описание случаев из практики, иллюстрирующих несколько необычных техник, которые применяет в работе. Так, например, пациенту, который не в состоянии сделать выбор при решении какой-либо дилеммы, она предлагает метод «понимание камня» (*rock-seeing*). Для этого она предлагает ему пойти в лес и найти определенный камень, после чего помогает клиенту установить контакт с камнем и проделать определенную работу. В случае с нерешительным, сомневающимся пациентом в состоянии тревоги и страха она предлагает обратиться к охраняющему духу горного льва и помогает установить контакт с ним⁶.

Лесли Грей (Ibid.) высказывает мысль о том, что причина патологии, болезни — отдаленность человека от природы и разбалансировка контактов с природой и связей «человек — человек». Одной из основных потерь современной психологии, с ее точки зрения, является потеря категории «дух».

Использование экологических историй (story telling). История психотерапии знает много примеров использования метафор, особенно связанных с природным миром (Пезешкиан, 1992, 1993; Оуэн Н., 2002; Хейвенс, 1999; Ecotherapy, 1996; Handbook on Animal-Assisted Therapy, 2000 и др.). Все истории, притчи и анекдоты обладают одним фундаментальным качеством: в них содержатся важные советы или поучительные сообщения относительно какой-либо специфической проблемы. *Некто* сталкивается с *какой-то* проблемой и *каким-то* образом либо преодолевает ее, либо терпит поражение. Способ, которым герой решает свою проблему, может в аналогичной ситуации давать возможное решение и для других людей.

Применение вдохновляющих рассказов, связанных с окружающей средой, — один

⁶Интересно, что в обоих случаях речь идет не о технике направляемого воображения (метод психосинтеза Р. Ассаджиоли), а о приобщении к реальной силе камня или льва.

из эффективных методов обучения, а также замечательный терапевтический инструмент для людей всех возрастов. Тщательно отобранные истории включают специальные темы, в которых могут быть заинтересованы конкретные клиенты, учащиеся, дети. Также эффективными могут быть правдивые истории путешественников — профессионалов или дилетантов, которые научились чему-то или получили какой-то необыкновенный опыт взаимодействия с природой (например, Л. Даррелл, Б. Гржимек, Жак Ив Кусто, Т. Хейердал, Ф. Моуэт и др.).

Истории могут быть созданы на основе фильмов и романов, опыта отдельных людей, фольклора и мифов, даже фантазий с обязательным обращением внимания на особенности культуры данных людей. Учителя, терапевты или родители могут начать повествование примерно такой фразой: «Однажды я знал человека (семью), с которой случилась такая история...» или «Твой опыт, мне кажется, похож на историю человека, которого я знал (о котором читал)...» (Ecotherapy, 1996).

В добавление к человеческим историям, сказкам о цветах, животных и других созданиях во многих культурах используются истории, связанные с передачей культурных традиций, мудрости, знания детям. В отечественной литературе присутствует большое количество интереснейших книг, посвященных этой тематике, — рассказы В. Бианки, М. М. Пришвина, Н. Пескова. Для соприкосновения с силой природы используются метафорические истории, например, представленные в книгах «Торговец и попугай» (Пезешкян Н., 1992), «Грааль мудрости» (Евтихов О. В., Трепашко Т. В., 2005), авторская сказкотерапия А. В. Гнездилова (2004) и многие другие.

Терапия дикой природой (wilderness therapy). Изменение психологических характеристик под воздействием не просто общения с природой, но с дикой природой становится все более популярным методом и в терапии, и в образовании. Это замечательный способ укрепления физического здоровья, удовлетворения потребностей, решения проблем, самопознания и многого другого (Ecotherapy, 1996).

Стивен Харпер (Steven Harper) в статье «The way of Wilderness» (Ecopsychology, 1995) пишет, что существует огромное количество программ, которые используют дикую местность для решения личностных проблем людей, но наиболее впечатляющие перемены происходят с людьми под воздействием дикой природы. «Хотя я представляю дикую природу как психологический поиск восстановления целостности жизни с теми, с кем я работаю, — пишет С. Харпер (Ibid., p. 185) — я не считаю, что занимаюсь терапией, я предпочитаю слово “практика”. Природа сама показала мне эту разницу. Терапия, как она обычно используется, подразумевает болезнь. Также подразумевается, что есть начало и конец лечения. Кроме того, она требует терапевта — кого-то, кто был бы экспертом, анализировал бы, интерпретировал, давал совет. Я отношусь к этому с некоторым подозрением... Практика же подразумевает процесс, в нем нет начала и конца, но есть время жизни и открытий. Когда мы действительно хотим сделать шаг, взглянуть на природу и получить контакт с диким окружением, мы открываем мудрость более глубокую, чем ежедневные открытия».

С. Харпер описывает свой более чем 20-летний опыт работы с группами. Он указывает на необходимость индивидуального опыта: именно в этом и состоит цельная сущность взаимодействия с диким окружением. Некоторые путешествия совершенствуют физические способности, другие направлены на достижение психологических преобразований.

Сегодня за рубежом и в России очень популярны подходы, позволяющие усилить в несколько раз психотерапевтический эффект благодаря проведению групповых и индивидуальных занятий на природе, вместе с природой. Речь идет о различных экстремальных тренингах и программах, которые связаны с тем, что участники обязаны позаботиться о себе, преодолеть трудности и выжить в неизвестных, непредсказуемых условиях, причем в качестве источника таких условий выступает не социум, а природа.

Отличительная черта такой психологической работы — определенное задание, которое требуется выполнить в конкретные сроки. Также речь может идти о выживании на протяжении определенного времени, в этом случае акцент переносится не на результат, а на процесс происходящего. Решение задачи может происходить как в группе, так и на уровне отдельного человека (в зависимости от целей тренинга). Условиями ситуации участники поставлены в обстоятельства, в которых они сталкиваются с невозможностью решить задачу известными способами. Это требует от них проявления нехарактерных для себя способов поведения, выхода за рамки повседневности. Опыт общения с дикой природой дает почувствовать те силы и возможности, которые присущи каждому человеку, но которыми люди обычно не пользуются и даже не подозревают о них.

Природа действительно таит в себе целительные возможности. А. Ф. Шадура (2002), описывая опыт проведения психологической реабилитации личности детей, эвакуированных из зоны военных действий в Чеченской республике, указывает, что частью общей программы социально-психологической реабилитации была *ландшафтная психотерапия*, которая заключалась в освоении детьми окружающей их природной среды, с последовательным погружением детей в воспоминания о той природной среде, которая окружает их в тех местах, где они живут в настоящее время, и в тех местах, где они жили в Чечне. Каждое занятие сопровождалось обсуждением с детьми их воспоминаний о природе своей родины, о природе тех мест, где они проживают в настоящее время. Таким образом, в процессе работы психологи вместе с детьми шли от проживания отношений в физической среде обитания к обсуждению и переживанию социальных отношений в прошлом и настоящем.

Терапия садоводством (horticultural therapy)⁷. Озеленение (рис. 1.18) — здоровое хобби и преобразователь напряжения для многих людей в наше беспокойное время. Это простое, но целительное занятие имеет давнюю историю.

Садоводство с терапевтическими целями — один из самых старых приемов терапии, основанной на деятельности. Благоприятное воздействие садов было признано уже в Древнем Египте, когда врачи предписывали работу в садах как часть лечения для некоторых тревожных пациентов (Ecotherapy..., 1996). Полную историю становления и развития садоводческой терапии можно прочесть в книге «*Экотерапия: исцеляя себя, исцеляем Землю*» (Ecotherapy: healing Ourselves, healing the Earth, 1996), мы же выделим лишь несколько интересных фактов из этого источника. С начала XIX в. садоводческая терапия активно используется в психических стационарах для реабилитации больных, что рассматривается как восстановление через контакт с природой и людьми. С 1940 г. терапия активно применяется

⁷ *Horticultural* в переводе с английского — садовый, садоводческий. *Horticultural Therapy* — терапия садоводством, садоводческая терапия.

с тысячами клиентов, включая гериатрических пациентов, больных алкоголизмом и наркоманией.

Рис. 1.18. Занятие садоводством благотворно влияет на человека, усиливая чувство собственного достоинства, успокоения, ощущения внутренней гармонии с миром.

В 1950-е годы садоводческая терапия стала самостоятельной клинической профессией, когда Государственный университет штата Мичиган (Michigan State University) основал программу в этой области. Сегодня большое число университетов имеют курсы или программы по терапии садоводством, а Американская садоводческая ассоциация терапии (the American Horticultural Therapy Association) — процветающая гильдия профессионалов.

Садоводческие терапевты из госпиталя в Филадельфии (the Philadelphia Friends Hospital) обнаружили, что пациенты могут получить помощь в следующих направлениях:

1. Улучшение в когнитивной сфере следует из понимания внешнего мира и себя в нем. Пациенты приобретают навыки и опыт решения проблем, способность работать независимо, с последующим усложнением задач. Существенно и то, что пациенты могут продолжить это приятное хобби после выписки из госпиталя.

2. Психологическое улучшение предполагает обретение чувства собственной полезности; усиливаются чувство собственного достоинства, уверенность в себе; возникает ощущение большей ответственности; появляется возможность выразить гнев и агрессивные импульсы конструктивно (в социальном ключе, через труд), успокоиться, ощутить внутреннюю гармонию и соприкосновение с миром. Этим творческим потенциалом и самовыражением пациенты могут восстанавливать или усиливать смысл своей жизни.

3. Улучшение в социальной области позволяет совершать работу в маленькой группе, приспосабливаясь к ее общим целям, поддерживая связи, умение идти на компромисс, общаясь относительно нейтральной темы — растений и ухода за ними.

4. Физическое усовершенствование происходит благодаря совершаемой работе